

НЕТ НИЧЕГО, ЧЕМ ОН
НЕ ПОЖЕРТВОВАЛ БЫ РАДИ НЕЕ

18+

П Р И К О С -
Н О В Е Н И Е
З Л А

АИД И ПЕРСЕФОНА

СКАРЛЕТТ СЕНТ-КЛЭР

Young Adult. Аид и Персефона

Скарлетт Сент-Клэр
Прикосновение зла

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сент-Клэр С.

Прикосновение зла / С. Сент-Клэр — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Аид и Персефона)

ISBN 978-5-04-178089-0

«Прикосновение зла» – третья книга романтического фэнтези-цикла, который является авторской интерпретацией истории «Аида и Персефоны». Волшебный мир, где среди людей живут древнегреческие боги. Новые Афины оказались во власти сильнейшей снежной бури, которую наслала Деметра. Она хочет расстроить помолвку Аида и Персефоны и готова на отчаянные меры. Но бог мертвых никому не позволит разлучить его с Персефой. Даже если для этого придется начать войну с олимпийцами. Кроме того, Персефона узнает, что не может выйти замуж за Аида без благословения Зевса. Какую цену им придется заплатить, чтобы быть вместе? Для фанатов Сары Дж. Маас, Дженнифер Армэнтроут и Рэйвен Кеннеди. Об авторе Скарлетт Сент-Клэр – американская писательница. Она является магистром библиотековедения и информационной науки. Скарлетт одержима греческой мифологией, детективными историями, любовью и загробной жизнью. Если все это интересно и вам, ее книги вам непременно понравятся.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-178089-0

© Сент-Клэр С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предупреждение о содержании	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V	38
Глава VI	44
Глава VII	49
Глава VIII	56
Глава IX	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Скарлетт Сент-Клэр

Прикосновение зла

© Иванова В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается

лучшему папочке на всем белом свете

Перед твоей смертью я успела рассказать тебе о потрясающих переменах в моей жизни. Мы с тобой болтали по видеосвязи, ты улыбнулся и сказал: «Я так тобой горжусь». А потом тебе пришел положительный тест на COVID-19. Я всегда буду благодарить судьбу за тот последний звонок. Я помню, что ты чувствовал себя нехорошо и мне было неловко тебя задерживать, но я хотела, чтобы ты знал – я люблю тебя. И об этом был весь наш разговор. Я очень по тебе скучаю, я люблю тебя – снова и снова.

А на следующее утро тебе стало совсем плохо, и тебя подключили к аппарату искусственной вентиляции легких.

Увидев тебя в больнице, я поняла – пришло время прощаться. Ты уже был на краю, и все же, когда я взяла тебя за руку, ты открыл свои прекрасные глаза и улыбнулся мне. В следующий раз я увидела тебя, забирая твой пепел.

Я отдала бы все на свете, чтобы снова тебя обнять, услышать твой голос и смех. Получить вдруг смешное сообщение, потерять твою лысую макушку и прислониться к твоему плечу. Но я знаю, что ты по-прежнему со мной и что ты мной гордишься. Своим упорством я обязана именно тебе – человеку, который всегда верил в то, что все остальные считали невозможным.

ПОКОЙСЯ С МИРОМ

Фредди Ли Никсон

23 декабря 1948 – 27 ноября 2020

Предупреждение о содержании

В этой книге есть сцены, в которых упоминается суицид, а также сцены сексуального насилия.

Если вы или кто-то из ваших знакомых размышляет о суициде, пожалуйста, позвоните в службу спасения по предотвращению суицидов.

Вы столкнулись с сексуальным насилием? Вам нужна помощь или поддержка?
Позвоните на горячую линию по сексуальному насилию.

Пожалуйста, не молчите об этом. Людям не все равно, вашим друзьям и семье не все равно. Мне не все равно.

Часть первая

*Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в
формы
Новые. Боги, – ведь вы превращения эти
вершили, —
Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь
доведите...¹*

Овидий «Метаморфозы»

Глава I Прикосновение истязания

Шероховатые ладони развели ее ноги и скользнули вверх по бедрам, за ними последовали и губы – едва касаясь ее кожи. Персефона изогнулась дугой в полусне, и веревки впились ей в запястья и лодыжки. Сбитая с толку, она потянула их, пытаясь высвободить руки и ноги, но путы не поддались. В этой неспособности двигаться, необходимости сопротивляться, бороться было что-то, от чего ее сердце заколотилось, а к голове прилила кровь.

– Как же ты прекрасна, – шепот скользнул по ее коже, и Персефона замерла.

Этот голос.

Он был ей знаком.

Когда-то она считала его обладателя своим другом, а теперь он стал врагом.

– Пирифой.

Его имя выскользнуло из ее рта, переплетенное с гневом, страхом и отвращением. Он был полубогом, что следил за ней, а потом выкрал из Акрополя.

– Тсс, – прошептал он, скользя по ее коже своим языком – влажным и холодным.

Из горла Персефоны вырвался крик. Она сжала ноги вместе, пытаясь выкрутиться из чужеродных прикосновений, блуждающих по ее коже.

– Расскажи мне, что он делает – как тебе нравится? – прошептал он, и липкое дыхание обволокло ее ухо, в то время как его ладонь скользнула к ее сердцевине. – Я смогу сделать лучше.

Персефона распахнула глаза и села, сделав резкий вдох. Боль раздирала ее грудь, дыхание сбилось, словно она только что бежала через все подземное царство, преследуемая призраком. Спустя пару секунд глаза привыкли к окружающей ее темноте, и она поняла, что находится в постели Аида, среди шелковых простыней, что прилипли к ее вспотевшей коже. В камине напротив плясали оранжевые языки пламени, а рядом с ней лежал сам бог мертвых, и его энергия, темная и наэлектризованная, заряжала воздух вокруг, делая его тяжелым и почти осязаемым.

– С тобой все в порядке?

Голос Аида был чистым и тихим – успокаивающий бальзам, которым ей хотелось наслаждаться. Она посмотрела на него. Он лежал на боку, и его обнаженная кожа лоснилась в свете камина. Черные глаза поблескивали, а волосы рассыпались по простыням подобно волнам без-

---

¹ Перевод С. В. Шервинского.

звездного моря. Всего пару часов назад она сжимала их своими пальцами, раскачиваясь на нем – долго, медленно, сдерживая стоны.

Она сглотнула. Язык во рту словно распух.

Богиня не впервые видела этот кошмар и не впервые, проснувшись, обнаруживала, что Аид за ней наблюдает.

– Ты не спал, – поняла она.

– Нет, – ответил он и сел рядом, проведя ладонью по ее щеке. От его прикосновения у нее по спине побежала дрожь. – Расскажи мне.

Его голос был подобен самой магии – заклинанию, что вытягивало слова у нее изо рта, хоть они, казалось, застряли в горле.

– Я снова видела во сне Пирифоя.

Аид опустил руку, которой касался ее щеки, и Персефона узнала выражение его лица – жестокость в бездонных глазах. Ее накрыло чувство вины из-за того, что она снова пробудила ту его часть, которую он с таким трудом пытался подчинить своей воле.

Пирифой преследовал Аида так же, как преследовал Персефону.

– Он причиняет тебе боль, даже когда ты спишь, – нахмурился Аид. – В тот день я не смог тебя защитить.

– Как ты мог знать, что он меня похитит?

– Я должен был знать.

Конечно же, это было невозможно, хоть Аид и возражал, что именно для этого он и нанял Зофи, но во время похищения эгида патрулировала у Акрополя. Она не заметила ничего необычного, потому что Пирифой покинул здание через подземный туннель.

Персефона поежилась, вспомнив о том, как бездумно позволила полубогу помочь ей покинуть Акрополь, хотя все это время он планировал ее похитить.

Она никогда больше не будет никому так слепо доверять.

– Ты не всевидящий, Аид, – попробовала успокоить его Персефона.

Следующие несколько дней после ее спасения из дома Пирифоя Аид пребывал в мрачном настроении, в итоге вылившемся в попытку наказать Зофи, освободив ее от обязанностей эгиды, – Персефона этому воспрепятствовала.

И все же, даже после того, как Персефона отменила указание Аида, амазонка решила ей возразить:

– Я сама себя опозорила.

Слова эгиды привели Персефону в отчаяние.

– В этом нет ничего постыдного. Ты выполняла свою работу. Ты, кажется, думаешь, что нам стоит обсудить твою роль в качестве моей эгиды. Но тут нечего обсуждать.

У Зофи округлились глаза, ее взгляд метался между Персефоновой и Аидом, а потом наконец она сдалась и кивнула:

– Как пожелаете, миледи.

После этого богиня повернулась к Аиду:

– Я надеюсь, что в следующий раз ты сообщишь мне, прежде чем уволить кого-то из моей свиты.

Аид приподнял брови, скривил губы и возразил ей:

– Это я ее нанял.

– Я рада, что ты об этом вспомнил, – ответила она. – В следующий раз, когда ты решишь, что мне нужна слуга, я также ожидаю, что ты включишь меня в обсуждение этого вопроса.

– Конечно, дорогая. Как я могу заслужить твое прощение?

Они провели остаток вечера в постели, но, даже когда занимались любовью, она видела, как он страдает, – как видела это и сейчас.

– Ты права, – кивнул Аид. – Может, тогда мне следует наказать Гелиоса.

Она ответила ему ироничным взглядом. Аид и прежде упоминал в разговорах бога солнца. Было ясно, что им обоим друг на друга плевать.

– От этого тебе стало бы легче?

– Нет, хотя это было бы забавно, – ответил Аид, но тон его голоса противоречил словам, звуча скорее зловеще, чем весело.

Персефона отлично знала о склонности Аида к жестокости, и его комментарий о наказании напомнил ей об обещании, что богиня взяла у него после своего спасения. *«Когда ты подвергнешь его пыткам, я к тебе присоединюсь»*. Она знала, что в ту ночь Аид спускался в Тартар, чтобы пытать полубога, знала, что он спускался и потом, но ни разу не попросила присоединиться к нему.

Теперь же Персефона задалась вопросом: не потому ли Пирифой преследовал ее во сне? Может, если она увидит его в Тартаре – окровавленного, сломленного, мучающегося, – это положит конец ее кошмарам.

Она снова взглянула на Аида и сказала:

– Я хочу его увидеть.

Выражение лица Аида не изменилось, хотя ей показалось, что в это мгновение она почувствовала его эмоции – гнев, вину и опасения. Но опасения не позволили ей увидеть нападавшего, а вообще пустить ее в Тартар. Она знала, что в глубине души Аид боялся показать ей эту свою сторону, боялся, что она о нем подумает, и все же отказать ей он не мог.

– Как пожелаешь, дорогая.

* * *

Персефона с Аидом оказались в Тартаре – в комнате без окон. Такой белой, что становилось больно. Персефона широко распахнула глаза, когда ее взгляд нашел Пирифоя, привязанного к стулу в центре комнаты. С тех пор как она в последний раз видела полубога, прошло несколько недель. Казалось, он спит – подбородок опущен к груди, глаза закрыты. Когда-то она считала его симпатичным, но сейчас щеки под острыми скулами впали, лицо было бледным, почти пепельным.

А еще здесь был запах.

Не запах гниения, но едкий и неприятный, он обжигал богине нос.

При виде полубога у нее скрутило живот.

– Он мертв? – произнесла Персефона шепотом, просто на всякий случай – она была не готова посмотреть ему в глаза. Она понимала, что задала странный вопрос, если учитывать, что они находились в Тартаре, в подземном царстве. Но Персефона знала, какие методы пыток предпочитает Аид и что он мог вернуть жизнь только для того, чтобы снова ее отобрать в череде истязаний.

– Он дышит, когда я велю, – ответил Аид.

Персефона ответила не сразу. Вместо этого она приблизилась к душе, остановившись в нескольких футах. Вблизи он напоминал восковую фигуру, что размякла от жара, ссутулилась и сморщилась. И все же он был цельным и даже слишком настоящим.

До своего первого визита в подземное царство Персефона думала, что души – это тени самих себя. Но они оказались вполне телесными, цельными – как в тот день, когда умерли, хотя так было не всегда. Когда-то в царстве Аида души влачили жалкое существование в крайне стесненных условиях.

Аид не признавался, что именно его так изменило – почему он решил придать красок и подземному царству, и душам, создав иллюзию жизни. Он часто говорил, что подземное царство просто развивалось, как и верхний мир, но Персефона знала Аида. У него была совесть,

он сожалел о том, как начал свой путь в качестве властелина подземного царства. Он делал все это из доброты, в попытке искупить свой грех.

И все же он не мог простить себя за прошлое, и от этого ей было больно.

– Они помогают? – спросила она Аида, не зная, хочет ли услышать ответ. – Все эти пытки?

Она взглянула на бога, который все еще стоял там, где они появились, – с распущенными волосами, устремленными вверх рогами, темного, прекрасного и жестокого. Она не могла даже представить, каково ему находиться здесь, но она помнила его взгляд, когда он нашел ее в логове Пирифоя. Она никогда прежде не видела Аида в такой ярости, никогда не видела таким шокированным и сломленным.

– Не могу сказать.

– Тогда зачем ты это делаешь? – Она обошла Пирифоя и остановилась позади него, встретившись взглядом с Аидом.

– Ради контроля.

Персефона раньше не понимала, почему Аиду так необходим контроль, но за те месяцы, что они провели вместе, и сама начала желать того же. Богиня знала, что такое быть узницей, быть бессильной, вынужденной выбирать из двух зол – и все равно выбрать наибольшее из них.

– Я хочу контроля, – прошептала она.

Аид некоторое время смотрел на нее, а потом протянул руку:

– Я помогу тебе его добиться.

Его голос грохотал в пространстве между ними, наполняя ее грудь теплом. Она снова подошла к нему, и бог притянул ее к себе, снова прижав к груди.

Пирифой вдруг сделал резкий вдох. Сердце Персефоны заколотилось, когда он зашевелился. Голова покачнулась, глаза заморгали – сонно и растерянно.

Персефону снова пронзил страх увидеть его взгляд, она содрогнулась всем телом. Аид обнял ее за талию, словно чтобы напомнить – она в безопасности. Бог опустил голову, и его дыхание коснулось ее уха.

– Помнишь, как я учил тебя укрощать магию?

Он говорил об уроке в роще, после того как Аполлон потребовал у Аида услугу и взял с Персефоны обещание, что она больше не будет о нем писать. Она искала успокоения среди деревьев и цветов, но нашла лишь разочарование, когда не смогла наделить жизнью пустой клочок земли. И тогда появился Аид – из ниоткуда, словно одна из теней, что он подчинил своей воле. Бог мертвых помог ей укротить магию и исцелить землю. Его указания были пропитаны соблазном, и каждое прикосновение разжигало в ней огонь.

От этих воспоминаний по телу Персефоны побежали мурашки, и она выдохнула сквозь стиснутые зубы:

– Да.

– Закрой глаза, – велел он, легко касаясь ее шеи губами.

– Персефона? – раздался хриплый голос Пирифоя.

Она зажмурилась, сконцентрировавшись на прикосновениях Аида.

– Что ты чувствуешь? – Одна его ладонь скользнула вниз по ее плечу, а пальцы другой, что крепко обнимала ее за талию, властно раскрылись.

Ответить на этот вопрос было не так-то просто – она чувствовала сразу так много всего. Страсть и возбуждение к Аиду. Гнев и страх, горе и чувство предательства к Пирифоя. Это был водоворот, темная бездонная пучина, – а потом полубог снова произнес ее имя.

– Персефона, пожалуйста. Я... Прости меня.

Его слова пронзили ее грудь, словно копьё. И, заговорив, она открыла глаза:

– Жестокость.

– Сосредоточься на ней, – велел бог. Он прижал одну ладонь к ее животу, а пальцы другой переплел с ее пальцами.

Пирифой сидел, все так же ссутулившись, на металлическом стуле, связанный и пробуждающий в ней злобу. Глаза, которых она боялась, теперь со страхом смотрели на нее, полные слез.

Они поменялись местами, осознала вдруг Персефона и на мгновение замешкалась, не зная, сможет ли причинить ему вред. А потом заговорил Аид:

– Накорми ее.

Она почувствовала, как между их соединенными ладонями собирается сила – энергия, обжигающая ей кожу.

– В каком месте ты хочешь сделать ему больно? – спросил Аид.

– Это не ты, – произнес Пирифой. – Я тебя знаю. Я за тобой наблюдал!

У нее загнуло в ушах, глаза загорелись, сила вспыхнула пламенем, которое богиня была не в силах сдерживать.

Он оставлял странные подарки, следил за ней, фотографировал в местах, где она должна была чувствовать себя в безопасности. Он лишил ее чувства защищенности даже во сне.

– Он хотел использовать в качестве оружия свой член, – ответила она. – Я хочу, чтобы он сгорел.

– Нет! Пожалуйста, Персефона. Персефона!

– Тогда заставь его гореть.

Энергия, плескавшаяся у нее в ладони, стала наэлектризованной. Она высвободила ее из руки Аида и представила, как эта магия устремляется к Пирифой бесконечным, горячим, как лава, потоком.

– Это не...

Крик Пирифоя оборвался, когда его настигла магия. Внешне не было ни единого признака, что с ним что-то не так – у него в промежности не вспыхнули языки пламени. Но было очевидно, что он почувствовал ее магию. Уперевшись ногами в пол и сжав зубы, он задержался на стуле в попытке высвободиться. На голове и шее вздулись вены.

И все же ему хватило сил выдавить сквозь стиснутые зубы:

– *Это не ты.*

– Я не знаю, кем именно ты меня считаешь, – ответила богиня. – Но давай-ка я проясню: я Персефона, будущая царица подземного царства, леди твоей судьбы – одно мое присутствие будет наводить на тебя ужас.

Из носа и рта Пирифоя потекла кровь, его грудь бурно вздымалась и опускалась, но он больше ничего не говорил.

– Как долго он пробудет в таком состоянии? – задалась вопросом Персефона, наблюдая, как тело Пирифоя выгибается от мучительной боли. Его глаза начали выходить из орбит, а кожа заблестела от пота, приобретя зеленоватый оттенок.

– Пока не умрет, – прямо ответил Аид, наблюдая за происходящим с абсолютно равнодушным выражением лица.

Она не дрогнула, ничего не чувствуя, и не попросила уйти, пока Пирифой не умолк и не обмяк на своем стуле. Персефона вспомнила свой вопрос Аиду: это помогает? Она так и не получила ответа, за исключением того, что теперь богиня знала: какая-то часть ее увяла, и если она продолжит, это иссушит ее без остатка.

Глава II

Прикосновение горя

– Как идет подготовка к свадьбе? – поинтересовалась Лекса. Она сидела напротив Персефоны на белом стеганом одеяле с вышитыми незабудками. Это был подарок от одной из душ, Альмы. Та подошла к Персефоне со свертком в руках во время одного из ежедневных визитов богини в Асфодель.

«У меня для вас кое-что есть, миледи».

«Альма, тебе правда не стоило...»

«Это подарок, но не для вас, а от вас, – быстро перебила богиню та, качнув серебряными кудрями, обрамлявшими ее розовощекое лицо. – Я знаю, что вы горюете по подруге. Так что передайте ей это».

Персефона приняла сверток, и, когда она поняла, что это стеганое одеяло, с любовью расшитое маленькими голубыми цветочками, на глазах у нее выступили слезы.

«Не знаю, нужно ли мне говорить вам, что означают незабудки, – продолжила Альма. – Искренняя любовь, верность, воспоминания. Со временем ваша подруга снова вас узнает».

В тот вечер, вернувшись во дворец, Персефона расплакалась, прижимая к груди это одеяло. На следующий день она подарила его Лексе.

«О, оно прекрасно, миледи», – сказала та, взяв в руки сверток, словно крошечное дитя.

Персефона напряглась, услышав свой титул. Она нахмурила брови и смущенно произнесла:

«Миледи?»

Лекса никогда прежде не использовала титул Персефоны. Их взгляды встретились, и Лекса замешкалась, покраснев.

«Танатос сказал, это твой титул», – объяснила она.

Персефона признавала, что титулами нужно пользоваться, но уж точно не в кругу друзей.

«Зови меня Персефоной».

Лекса широко распахнула глаза:

«Прости. Я не хотела тебя обидеть».

«Ты и... не обидела».

Как бы убедительно ни пыталась говорить Персефона, ей не удалось придать своему голосу достаточно уверенности. По правде говоря, услышать, как Лекса называет ее «миледи», было еще одним напоминанием, что она уже не та, что прежде. И как бы Персефона ни уговаривала себя быть терпеливой по отношению к Лексе, это было сложно. Лекса выглядела все той же, говорила все так же, она даже смеялась, как раньше. Вот только ее личность была другой.

«Кроме того, если уж пользоваться титулами, то ты должна называть Танатоса милордом».

И снова Лекса смутилась. Она отвела взгляд и, покраснев, ответила:

«Он сказал... что мне не нужно».

Персефоне этот разговор показался весьма странным, и она почувствовала себя еще более далекой от Лексы.

– Персефона! – позвала ее Лекса.

– Мм? – Это отвлекло богиню от ее мыслей. Она снова перевела взгляд на Лексу, посмотрев ей в глаза – ярко-голубые и прекрасные. Лицо подруги здесь, в Элизии, казалось бледнее, будучи обрамленным густыми темными локонами. На ней были белые одежды, подвязанные на талии. Персефона не помнила, чтобы она когда-нибудь надевала одежду этого цвета, когда они вместе жили в верхнем мире.

– Подготовка к свадьбе – как она идет? – снова спросила Лекса.

– О, – Персефона поморщилась и призналась: – Я даже не начинала.

Это было правдой лишь наполовину. Она не начала подготовку, – а вот Геката с Юри уже начали. Честно говоря, ей было больно думать о подготовке к свадьбе без Лексы. Если бы та была жива, то уже прочесывала бы интернет в поисках цветowych палитр, платьев и банкетных залов. Она составила бы план, списки и познакомила бы Персефону с традициями, о которых той не потрудились рассказать ее мать. Вместо этого Лекса сейчас сидела напротив Персефоны – тихая, покорная, не помнящая об их дружбе. Даже если Персефона захотела бы включить ее в планы Юри и Гекаты, она бы не смогла – душам не позволялось покидать Элизий, пока Танатос не увидит, что они готовы к переезду в Асфодель.

«Может, мы могли бы включить ее в подготовку», – предложила Персефона.

Танатос покачал головой.

«Ваши визиты и так ее утомляют. С большим ей пока не справиться».

Он также попытался ослабить ее сопротивление своей магией. У бога смерти была способность успокаивать других одним своим присутствием, приносить покой тем, кто горевал, и облегчать волнение. Тем не менее на Персефону это иногда производило обратный эффект. Она считала его влияние на ее эмоции насилием, даже когда он делал это из лучших побуждений. После смерти Лексы Танатос использовал свою магию в попытке облегчить ее страдания, но она велела ему прекратить. Даже зная, что он делал это с добрыми намерениями, она хотела все чувствовать, – даже если это причиняло боль.

Ей казалось неправильным быть избавленной от боли, когда она причинила столько страданий самой Лексе.

– Ты как будто совсем не рада, – заметила Лекса.

– Я рада стать женой Аида, – объяснила богиня. – Просто... я никогда не представляла, как выхожу замуж. Я даже не знаю, с чего начать.

Деметра ее к этому не готовила – как и ко всему остальному. Богиня плодородия надеялась обхитрить мойр, спрятав дочь от мира – от Аида. Когда Персефона умоляла мать позволить ей покинуть оранжерею, выйти в мир в обличье смертной, она мечтала лишь получить степень, начать успешную карьеру и как можно дольше наслаждаться своей свободой.

Любовь никогда не была частью той мечты, не говоря уже о свадьбе.

– Хмм, – произнесла Лекса, опершись на отставленные назад руки и запрокинув голову назад, лицом к неясному небу, словно загорая. – Тебе нужно начать с того, что больше всего приводит тебя в восторг.

Это было именно то, что посоветовала бы ей прежняя Лекса.

Но больше всего Персефону приводил в восторг сам тот факт, что она станет женой Аида. Когда она размышляла об их будущем, ее грудь наполнялась воздухом, тело пронизывало электричество, а душа оживала.

– Я об этом подумаю, – пообещала Персефона, поднимаясь. Раз уж речь зашла о свадьбе, ей пора было возвращаться во дворец, чтобы приступить к подготовке. – Хотя я уверена, что у Гекаты с Юри будут свои мысли по этому поводу.

– Может, и будут, – ответила Лекса, и несколько секунд Персефона не могла отвести от нее взгляда. На нее смотрела прежняя Лекса, задумчиво и искренне добавившая: – Но свадьба-то твоя.

* * *

Персефона покинула Элизий.

Ей пришлось перенестись в Асфодель. Богиня уже опаздывала, но, когда она оставила Лексу, слезы застилали ее глаза. Она остановилась, закрыв лицо ладонями. Все ее тело ныло, в груди словно образовалась пустота, а легкие объяло пламенем. Ей было хорошо знакомо это

чувство – оно терзало ее со дня смерти Лексы. Оно накатывало, непрошеное, словно кошмары, преследовавшие ее во сне, – когда она ожидала и даже когда не ожидала, цепляясь к смеху и запахам, песням и словам, местам и фотографиям. Оно разрывало ее на куски.

И ее тяготила не только грусть, – но и гнев. Гнев, что Лекса вообще пострадала, что, несмотря на богов – несмотря на ее собственную божественность, – не было способа побороть судьбу. Потому что Персефона попыталась сделать это и потерпела неудачу.

У нее внутри сжался узел, отравляющий богиню чувством вины. Если бы она знала, что их ждет, то никогда бы не согласилась на сделку с Аполлоном. Когда Лекса лежала без сознания, подключенная к аппарату искусственной вентиляции легких, Персефона впервые начала понимать, каково это – бояться кого-то потерять. По правде говоря, она была до ужаса напугана и сделала все возможное, желая предотвратить то, что оказалось в конечном счете неизбежно. Ее решения навредили Лексе так, что исцелить ее теперь могло лишь время – и вода из Леты.

Хотя память подруги была безвозвратно утеряна, Персефона все еще надеялась, что прежняя Лекса когда-нибудь вернется. Теперь она знала правду – горе значило никогда не вернуться назад, никогда не собрать кусочки. Оно значило, что человек, которым Лекса стала после своей смерти, останется таким же до своей следующей смерти.

Желчь подступила к горлу.

Горе было жестоким богом.

Когда Персефона дошла до дворца, ей навстречу тут же бросились Цербер, Тифон и Орф. Три добермана остановились перед ней, энергичные, но послушные. Она опустила на колени, почесала их за ушами и погладила по бокам. Она начинала понимать их все лучше. Цербер был самым серьезным из троицы и доминировал среди остальных. Тифон был добродушным, но с быстрой реакцией, а Орф был не прочь подурочиться, когда не патрулировал подземное царство, – чем занимался почти всегда.

– Как тут мои красивые мальчики? – спросила она.

Они заскулили, а Орф застучал лапами по земле, словно едва сдерживался, чтобы не лизнуть ее в лицо.

– Вы не видели Гекату с Юри? – поинтересовалась она.

Псы завывали.

– Отведите меня к ним.

Троица подчинилась и ринулась к дворцу, мрачно возвышающемуся впереди и видимому с любой точки подземного царства. Его сверкающие башни казались бесконечно высокими, исчезая в светлом сероватом небе, – демонстрация богатства Аида, его влияния, его верховенства. У подножия замка расстилались сады с зеленым плющом, красными розами, нарциссами и гардениями. Там также росли ивы и цветущие деревья, а между растительностью были проложены аккуратные дорожки. Все это было символом доброты Аида, его способности меняться и адаптироваться, – его искуплением.

Оказавшись здесь впервые, Персефона разозлилась, увидев подземное царство таким цветущим, – из-за условий ее пари с богом мертвых и из-за того, что создание жизни должно было быть ее силой. Аид быстро показал ей, что созданная им красота – лишь иллюзия. Даже узнав об этом, она позавидовала его способности так легко использовать магию. И хотя она ежедневно училась контролю, занимаясь с Гекатой и Аидом, – до них она по-прежнему не дотягивала.

«Мы старые боги, моя дорогая, – сказала ей Геката. – Ты не можешь сравнивать себя с нами».

Она повторяла эти слова каждый раз, когда чувствовала знакомое смыкание когтей зависти. Каждый раз, когда на нее накатывало знакомое отчаяние после очередной неудачи. Персефона делала успехи, и однажды она покорит свою магию. И тогда, возможно, иллюзии, которые столько лет удерживал Аид, станут реальностью.

Псы привели ее в бальный зал, где Геката с Юри стояли возле стола с цветочными стеблями, цветовыми палитрами и набросками свадебных платьев.

– А вот и ты! – обрадовалась Геката, подняв глаза, когда до нее донесся стук когтей доберманов о мраморный пол. Они бросились к богине колдовства, и та наклонилась, чтобы погладить их по головам, после чего псы развалились на полу под столом, тяжело дыша.

– Простите, что опоздала, – извинилась Персефона. – Я навещала Лексу.

– Все в порядке, милая, – сказала Геката. – Мы с Юри как раз обсуждали твою помолвочную вечеринку.

– Мою... что? – Она впервые слышала о такой. – Я думала, мы встречаемся ради подготовки к свадьбе.

– Да, так и есть, – кивнула Юри. – Но нам *непрерывно* нужно провести и помолвочную вечеринку. Ох, Персефона! Не могу дождаться, когда наконец назову вас царицей!

– Ты можешь назвать ее царицей уже сейчас, – пожала плечами Геката. – Аид так и делает.

– Я в таком восторге! – Юри захлопала в ладоши. – Свадьба богов! У нас не было такой уже *столько лет!*

– А кто был последней парой? – поинтересовалась Персефона.

– Полагаю, Афродита с Гефестом, – сказала Геката.

Персефона поморщилась. Об Афродите с Гефестом ходило множество слухов, и большинство из них о том, что бог огня не хотел богиню любви. Во время разговоров с Афродитой Персефона узнала, что богиня была несчастлива в браке, но не понимала почему. Когда богиня весны попыталась разузнать побольше, Афродита закрылась от нее. И Персефона не могла ее в этом винить. Ее любовная жизнь и страдания никого не касались. И все же у нее сложилось впечатление, что Афродита верила – она крайне одинока.

– А ты была на их свадьбе? – спросила Персефона Гекату.

– Да, – кивнула та. – Она была прекрасна, несмотря на обстоятельства.

– Обстоятельства?

– Их брак был договорным, – объяснила Юри. – Афродита стала подарком Гефесту.

– *Подарком...*

Персефона поморщилась. Как богиня – да и любая женщина – могла стать *подарком* кому-то?

– Зевсу нравится так говорить, – объяснила Геката. – Но когда она – сирена красоты и соблазна – родилась, ее руки у Зевса просили сразу несколько богов – Арес, Посейдон, и даже Гермес пал жертвой ее чар, хоть он это и отрицает. Зевс редко принимает решения, не посоветовавшись со своим оракулом, и когда он спрашивал о ее свадьбе с каждым из этих богов, оракул предсказывал войну, так что он выдал ее за Гефеста.

Персефона нахмурилась:

– Но Афродита выглядит такой... свирепой. Почему она позволила Зевсу выбирать, за кого ей выйти замуж?

– Афродита *хотела* выйти замуж за Гефеста, – ответила Геката. – И даже если бы она не хотела, у нее не было выбора. Все браки богов должны быть одобрены Зевсом.

– Что? Это еще почему? Я думала, это Гера богиня брака.

– Так и есть – Зевс советуется и с ней тоже, но он ей не доверяет. Она готова одобрить любой брак, что положит конец его правлению в качестве царя богов.

– Я все равно не понимаю. Зачем нам нужно одобрение брака?

– Брак между богами – не то же самое, что между смертными. Боги разделяют власть, у них рождаются дети. Есть много факторов, которые Зевс должен обдумать, прежде чем дать свое согласие.

– Разделяют... власть?

– Да – хотя я сомневаюсь, что это может как-то повлиять на Аида. Его влияние уже охватывает весь земной шар. Но ты... ты получишь контроль над тенями, над смертью.

Персефона поежилась. От мысли, что ей придется снова учиться контролировать и обуздывать свою магию, богине стало немного не по себе. Она пока еще пыталась покорить свою собственную. Конечно, это не будет проблемой, если Зевс не одобрит их брак. Почему Аид ей об этом не сказал?

– Есть шанс, что Зевс не одобрит наш брак? – спросила она и прикусила губу. Как тогда поступит Аид?

«Дорогая, ради тебя я бы спалил весь этот мир».

Эти слова пробежали дрожью по ее коже, шепотом по позвоночнику, – обещание, данное Аидом, которое он незамедлительно исполнит, если придется.

– Я не могу сказать наверняка, – ответила Геката, и ее уклончивость разожгла в Персефоне пламя беспокойства – постоянное напряжение, что не покидало ее сердце и пульсировало в венах. Богиня колдовства обычно говорила прямо.

Юри подтолкнула Гекату локтем.

– Я уверена, что Зевс одобрит, – сказала она. – Какие у него могут быть причины мешать вашему счастью?

Персефона знала какие – это была ее сила. После того как она потеряла контроль над собой в Лесу отчаяния и направила магию Аида против него самого, Геката призналась ей в страхе, что вынашивала со дня их первой встречи, – что Персефона окажется сильнее всех остальных богов. Эта сила либо позволит ей занять место среди остальных олимпийцев, либо сделает ее их врагом, – этого Геката предсказать не могла.

Юри, казалось, устала от этого разговора и быстро сменила тему:

– Давайте начнем с цветочных палитр! – Она открыла большую книгу, лежавшую на столе.

Между страницами находились лоскуты ткани.

– Что это? – не поняла Персефона.

– Ну... это книга с идеями для свадьбы.

– Где ты ее достала?

– Мы сами с девочками ее сделали, – призналась Юри.

Персефона приподняла бровь:

– И когда вы ее начали?

Щеки души заалели, и она, запинаясь, ответила:

– Несколько месяцев назад.

– Хмм.

У Персефоны сложилось впечатление, что души начали собирать связанные со свадьбой вещи уже в ту ночь, когда она едва не утонула в Стиксе, но богиня промолчала, слушая, как Юри рассказывает о разных цветочных сочетаниях.

– Я думаю, сиреневый и зеленый, – говорила та. – Они будут хорошо сочетаться с черным – а это, как все мы знаем, *единственный* цвет, который носит Аид.

Персефона захихикала.

– Его выбор цвета тебя раздражает?

– В смысле, отсутствие цвета? Мне бы хотелось хоть раз увидеть его в белом.

Геката фыркнула, но ничего не сказала.

Юри продолжила рассказывать о других вариантах, а Персефона все никак не могла перестать думать о Зевсе и о том, почему они планируют свадьбу, не зная, будет ли их союз с Аидом разрешен. «Может, ваш брак уже благословлен, – возразила она сама себе. – Может, Аид уже спросил его, прежде чем сделать предложение». Это бы объяснило, почему она никогда прежде не слышала о таком архаичном правиле.

И все же она непременно спросит его позже... а до этого момента ее будет снедать беспокойство.

Персефона утвердила цветовую палитру, и Юри перешла к свадебному платью:

– Я попросила Альму нарисовать несколько вариантов.

Персефона пролистала страницы. Каждое платье было богато украшено драгоценными камнями или жемчугом и имело множество слоев тюля. Может, она никогда и не мечтала о свадьбе, но точно знала, что все эти платья не для нее.

– Ну, что думаете?

– Наброски прекрасны, – ответила богиня.

– Но они вам не нравятся, – тут же закончила за нее Юри, нахмурившись.

– Не то чтобы... – произнесла Персефона.

– Так и есть, – вмешалась Геката.

Персефона бросила на нее гневный взгляд:

– Просто... я думаю, что мне нужно что-то... попроще.

– Но... вы ведь станете царицей, – возразила Юри.

– Но я по-прежнему останусь Персефоновой. И хочу быть Персефоновой... пока могу.

Юри открыла рот, чтобы снова ей возразить, но тут снова вмешалась Геката:

– Я понимаю, милая. Почему бы мне не заняться твоим нарядом? Кроме того, ведь это не последний шанс надеть бальное платье.

Богиня колдовства бросила на Юри многозначительный взгляд.

Персефона сдвинула брови:

– Что ты имеешь в виду?

– О, моя милая – это же только *первая* свадьба. У тебя будет и вторая, а может, и третья.

Кровь отлила от лица Персефоны:

– *Третья?*

Похоже, ее ждала очередная новость.

Геката объяснила:

– Одна в подземном царстве, вторая в верхнем мире, а третья на Олимпе.

– Зачем нам праздновать на Олимпе?

– Потому что это традиция.

– Традиция... – повторила Персефона. Как та, по которой Зевс одобряет браки. И теперь она задалась вопросом: если Зевс не одобрит их брак, будет ли это значить, что он вообще не одобряет их отношения? Попытается ли он разлучить их, как ее мать? Она нахмурилась: – Я не особо горю желанием следовать традициям.

Геката улыбнулась:

– К счастью для тебя, Аид тоже.

Они еще какое-то время обсуждали цветы и место торжества. Юри предпочитала гардении и гортензии, а Персефоне больше нравились анемоны и нарциссы. Юри предлагала провести церемонию в бальном зале, а Персефона хотела в саду – возможно, под лиловыми глициниями Аида. Под конец Геката заулыбалась.

– Что? – спросила Персефона, желая знать, что так развеселило богиню магии.

– О, да ничего, – ответила та. – Просто... хоть ты это и отрицаешь, кажется, у тебя есть четкое представление, какую именно свадьбу ты хочешь.

Персефона едва заметно улыбнулась:

– Я просто... выбираю то, что напоминает мне о нас.

После обсуждения Персефона отправилась в купальни, где на целый час погрузилась в горячую, пахнущую лавандой воду. Она была измотана. Усталость пронизывала ее до костей, ведь ее тело почти непрерывно боролось с беспокойством и сокрушительным чувством вины. И то, что ей не давали спать кошмары с Пирифоем, вносило свою лепту. Даже после того, как

они с Аидом вернулись из Тартара, ей не удалось уснуть. Она лежала рядом с богом мертвых, проигрывая в памяти пытку, которой подвергла полубога, и спрашивала себя: что ее действия сделали с ней самой? И вдруг ей на ум пришли слова ее матери.

«Дочь, даже тебе не удастся избежать нашей порочности. Могущество без этого не обходится».

Она была чудовищем? Или просто еще одним богом?

Персефона покинула купальни и вернулась в спальню Аида – *их* спальню, напомнила она себе. Она намеревалась переодеться и поужинать с душами в ожидании непростого разговора с Аидом о Зевсе. Но при виде кровати ее тело вдруг налилось тяжестью, и все, о чем она могла теперь думать, был отдых. Она опустила на шелковые простыни – в уюте, невесомости, безопасности.

Когда богиня открыла глаза, уже наступила ночь. Комната была наполнена светом камина, и на стене напротив танцевали тени. Она села и обнаружила рядом с огнем Аида. Он повернулся к ней, обнаженный. Отблески языков пламени очерчивали его мускулы – широкие плечи, плоский живот, мощные бедра. Ее взгляд скользнул по всем частям его тела – от сверкающих глаз до налившегося члена. Он был произведением искусства и одновременно наводящим ужас оружием.

Аид отпил виски из бокала.

– Ты проснулась, – тихо произнес он, осушил бокал, поставил его на столик у камина и подошел к кровати. Сев рядом с ней, он обхватил ладонями ее лицо и поцеловал. Отстранившись, он провел большим пальцем по ее губам.

– Как прошел твой день? – спросил он.

Персефона прикусила губу и ответила:

– Не очень.

Он нахмурился.

– А твой?

– Так же, – он убрал ладонь с ее лица. – Ляжешь со мной?

– Тебе не нужно об этом просить, – прошептала она.

Он распахнул ее халат, что уже приоткрылся, подставив жадному взгляду ее грудь. Шелковая ткань соскользнула с плеч, задержавшись на талии. Аид наклонился и обхватил губами один из ее сосков, потом другой, то лаская языком, то жадно посасывая. Пальцы Персефоны переплелись с его волосами, удерживая его, в то время как сама она запрокинула голову назад, наслаждаясь прикосновением его губ к своему телу. Чем дольше длились его ласки, тем сильнее внутри ее разгоралось пламя, и она направила одну из ладоней Аида в ложбинку между своими бедрами, к жаркой сердцевине, где она больше всего желала быть наполненной.

Он подчинился, раздвинув ее влажную плоть, и погрузился в нее. Она шумно выдохнула и застонала. Аид заглушил этот стон, накрыв ее рот своим. Персефона держала Аида за запястье, пока он ласкал ее пальцами, касаясь уже таких знакомых частей ее тела, но потом ее ладонь соскользнула на его член. Когда ее пальцы коснулись мягкой кожи, он застонал, прервав поцелуй и покинув ее тело.

Богиня зарычала, снова потянувшись за его рукой, но он лишь хохотнул:

– Ты не доверяешь мне в том, как доставить тебе удовольствие?

– Когда-нибудь буду.

Аид прищурил глаза:

– Ох, дорогая. Ты бросаешь мне вызов.

Он повернул ее так, что она оказалась на боку, спиной к его груди. Одна из его рук обвила ее шею, в то время как другая обхватила грудь и скользнула по животу к бедрам. Бог развел ее ноги, закинув одну из них на свою. Его пальцы обвели клитор и снова погрузились в ее тепло. Персефона сделала резкий вдох, изогнувшись перед ним, в то время как его отвердевший член

лег между ее ягодиц. Ее голова уперлась в изгиб его плеча, а ноги раскрылись еще шире, чтобы он мог погрузиться еще глубже. Рот Аида сомкнулся у нее на губах в требовательном поцелуе.

Богиня задышала быстрее, ее пятки заскользили по простыням, не в силах найти опору – в этой эйфории она чувствовала себя живой и уже хотела получить еще, хотя ее тело уже сотрясалось в вибрациях первого оргазма.

– Это удовольствие? – спросил он.

Она не успела ответить. Даже если бы Аид и дал ей время, она была не способна сложить слова между двумя тяжелыми вздохами, когда головка его члена оказалась у ее входа. Она шумно втянула воздух, когда он скользнул внутрь, и изогнулась дугой, оперевшись плечами ему в грудь. Когда он полностью погрузился в нее, его губы коснулись ее плеча, зубы слегка прикусили кожу, а ладонь продолжила ласкать клитор, пока она не застонала. Это был звук, который он вызывал откуда-то из ее глубин.

– Это удовольствие? – спросил он снова, задвигавшись в медленном ритме, заставлявшем ее прочувствовать все – каждую фрикцию его члена. Он погружался глубоко, ударяясь яйцами о ее ягодицы, и каждый толчок лишал ее способности дышать.

– Это удовольствие? – снова спросил он.

Она повернула к нему голову и обхватила за шею:

– Это экстаз.

Их губы слились в жадном поцелуе, и между ними больше не было слов – только дыхание, страстные стоны и движение тел. Жар между ними все нарастал, пока Персефона не почувствовала, как смешиваются капли их пота. Аид задвигался быстрее, одной рукой удерживая ее ногу над своей, а другой обхватив ее шею и удерживая ее челюсть между пальцами с едва заметным давлением, – и он держал ее так, пока они оба не достигли оргазма.

Аид опустил голову в изгиб ее шеи, покрыв ее кожу поцелуями.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да, – прошептала она.

Она была больше чем в порядке. Секс с Аидом всегда превосходил ее ожидания, и каждый раз, когда Персефона думала, что они достигли своего пика – «уже не может быть лучше, чем сейчас», – она оказывалась не права. На этот раз все было так же, и она спросила себя, сколько же опыта было у бога мертвых – и почему он сдерживал себя?

Аид отстранился, и Персефона перевернулась, чтобы всмотреться в его лицо, поблескивающее от пота после их занятий любовью. Он выглядел сонным и удовлетворенным.

– Зевс одобрил наш брак?

Аид замер, словно сердце перестало биться у него в груди и дыхание прекратилось. Она не знала, на что именно он так отреагировал – может, он понял, что забыл поговорить об этом с ней, или же осознал, что его подловили. Спустя мгновение бог расслабился, и между ними возникло странное напряжение – не гнев, но и не то воодушевление, что они обычно испытывали после секса.

– Он в курсе нашей помолвки, – ответил он.

– Я спросила не об этом.

Богиня уже достаточно хорошо его знала – Аид никогда не говорил и не предлагал больше, чем требовалось. Секунду он смотрел на нее, прежде чем ответить:

– Он мне не откажет.

– Но он не дал тебе своего благословения?

Она ждала, что он скажет, хотя уже знала ответ.

– Нет.

Пришел ее черед пронзить его взглядом. Но Аид по-прежнему молчал.

– И когда ты собирался рассказать мне об этом? – поинтересовалась Персефона.

– Не знаю. – Он умолк, а потом, к ее удивлению, добавил: – Когда у меня не осталось бы выбора.

– Это более чем очевидно, – богиня бросила на него сердитый взгляд.

– Я надеялся этого избежать.

– Разговора со мной?

– Нет, одобрения Зевса. Он устраивает из этого представление.

– Что ты имеешь в виду?

– Он призовет нас на Олимп на пир и празднования по поводу помолвки, растянет свое решение на несколько дней. У меня нет никакого желания присутствовать там, как нет и желания заставлять тебя через все это проходить.

– И когда он это сделает? – ее голос стих до шепота.

– Через несколько недель, полагаю, – пожал плечами он.

Она уставилась в потолок, и все цвета у нее перед глазами слились в непонятное пятно из-за выступивших слез. Она не знала, почему это вызвало у нее такие эмоции: может, потому что она боялась, или просто потому что устала.

– Почему ты мне не сказал? Если есть вероятность, что мы не будем вместе, я имею право знать.

– Персефона, – прошептал Аид. Приподнявшись на локте, он навис над ней и смахнул ее слезы. – Нас никому не разлучить – ни мойрам, ни твоей матери, ни Зевсу.

– Ты так уверен, но даже ты не можешь противостоять мойрам.

– Ох, дорогая. Я ведь тебе уже говорил – ради тебя я разрушу весь этот мир.

Она сглотнула, глядя на него:

– Наверное, именно этого я больше всего и боюсь.

Несколько мгновений Аид изучал ее лицо, водя большим пальцем по ее щеке. А потом снова коснулся ее губ своими, покрыл поцелуями ее тело, испил у нее между бедер, и, когда он снова поднялся, у нее на устах больше не было других имен, кроме Аида.

* * *

Позднее, снова проснувшись, Персефона увидела, как Аид вернулся в их комнату полностью одетый.

Брови сошлись у нее на переносице, она приподнялась и села. Ее веки еще были тяжелы от сна.

– Что случилось?

Бог скривил лицо с тяжелым и слегка недобрым взглядом:

– Адонис мертв. Его убили.

Персефоне не нравился Адонис. Он украл ее статью и опубликовал без ее разрешения, прикасался к ней, когда она сказала «нет», угрожал выставить на всеобщее обозрение ее отношения с Аидом, если она не вернет ему должность в «Новостях Новых Афин». Он заслуживал многого, – но не того, чтобы быть убитым.

Аид подошел к бару, где налил себе виски.

– Адонис? Убит? Как?

– Ужасно, – ответил Аид. – Его нашли в переулке рядом с «Ла Роз».

Персефоне не сразу удалось осмыслить эту новость. В последний раз она видела Адониса в саду богов. Она в буквальном смысле превратила его руки в ветви, и он пал к ее ногам, умоляя вернуть ему человеческий облик. Она сделала это на условиях, что если он когда-нибудь снова коснется женщины без ее согласия, то проведет остаток своих дней в виде трупной лилии.

С тех пор она его не видела.

– Он здесь... в подземном царстве?

– Да, – ответил Аид, осушил бокал виски и налил себе еще один.

– Ты можешь спросить его, что случилось?

– Нет. Он... в Элизии.

Это дало Персефоне понять, что его смерть была травматичной – настолько, что ему требовалось пребывание на исцеляющих полях.

Персефона наблюдала, как Аид выпил еще один бокал. Он пил так, только когда был чем-то взволнован, но сильнее всего ее обеспокоило то, насколько расстроенным он казался из-за смерти мужчины, которого однажды назвал паразитом.

Что бы он ни увидел, его это встревожило.

– Ты думаешь, его убили из-за благосклонности Афродиты? – спросила Персефона.

Это была не такая уж и редкость – многие смертные были убиты по этой самой причине, а Адонис открыто заявлял о своей связи с богиней любви.

– Похоже на то, – кивнул Аид. – Было ли это сделано из зависти или из ненависти к богам, – не могу сказать.

Персефону объял ужас:

– Ты думаешь, что его убил кто-то, желавший отомстить Афродите?

– Я думаю, его убили несколько людей, – сказал Аид. – И что они ненавидят все божественное.

Глава III Агрессия

Слова Аида все еще крутились в голове Персефоны, когда она отправилась на работу в «Кофе Хаус» следующим утром. Ей не удалось выведать у него больше подробностей о смерти Адониса, – он лишь добавил, что считает убийство спланированным и намеренным. Этот факт пробудил в Персефоне страх, что возможны новые нападения.

Несмотря на жестокую смерть, о ней не было упоминания ни в одной газете. Богиня предполагала, что это связано с участием Аида в расследовании, но из-за этого также думала, что он видел нечто такое, о чем не должна была узнать общественность, – как и она сама.

Персефона нахмурилась. Она знала, что Аид пытается ее защитить, но если на наделенных благом смертных – или тех, кто как-то связан с богами, – нападали какие-то люди, она должна была об этом знать. Пока весь мир (большая его часть) не знал, что она богиня, ее связь с Аидом делала Персефону и ее друзей потенциальными целями.

Она выбрала затененный угол в кафе, чтобы дожидаться Елену и Левку. С тех пор как несколько недель назад она создала свое онлайн-сообщество и блог «Защитник», все трое собирались каждую неделю, и так как у них не было офиса, они выбирали разные места по всем Новым Афинам, – «Кофе Хаус» был одним из наиболее частых вариантов. Они обе задерживались, вероятно, из-за погоды, так как Новые Афины накрыл холодный фронт.

И это еще было мягко сказано.

Стояли морозы, и с сумрачного неба то и дело падал снег – уже почти целую неделю. Поначалу он таял, едва коснувшись земли, но сегодня начал покрывать дороги и тротуары. Метеорологи называли происходящее бурей века. И лишь эта новость была способна соперничать с объявлением о помолвке Аида и Персефоны. Сегодня богиня обнаружила, что они поделили между собой первую страницу всех новостных изданий – от «Новостей Новых Афин» до «Божественных Дельф» – с конкурирующими заголовками:

БОГ МЕРТВЫХ ЖЕНИТСЯ НА СМЕРТНОЙ ЖУРНАЛИСТКЕ ЗИМНЯЯ БУРЯ КРАДЕТ ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕ

От третьего заголовка у Персефоны внутри стянулся узел. Это была колонка обозревателя в «Греческом времени» – национальной газете и конкуренте «Новостей Новых Афин».

ЗИМНЯЯ ПОГОДА – ЭТО БОЖЕСТВЕННОЕ НАКАЗАНИЕ

Было очевидно, что автор статьи не является поклонником богов, возможно, он даже был безбожником. Статья начиналась со слов:

«В мире, где правят боги, все остальное маловероятно. И возникает лишь один вопрос: с чьим гневом мы столкнулись и какова его причина? Очередной смертный, что оказался красивее божества? Или тот, кто посмел отвергнуть чьи-то ухаживания?»

Ни то ни другое – это была настоящая битва между Аидом, Персефой и ее матерью, Деметрой, богиней плодородия.

Персефону не удивляло, что до этого дошло. Деметра сделала все, что было в ее силах, чтобы удержать Персефону и Аида подальше друг от друга, и началось это в момент ее рождения. Заперев дочь в стеклянной оранжерее, Деметра кормила ее ложью о богах и их мотивах, в особенности об Аиде, которого возненавидела лишь за то, что мойры переплели нити их с Персефой судеб. Когда Персефона думала о том, какой она была под строжайшим контролем матери, ей становилось дурно, – слепой, лицемерной, предосудительной. Она была не дочерью, а узницей, и в конце концов все оказалось напрасно. Потому что, когда Персефона

встретила Аида, все ставки были сняты, и единственной сделкой, имевшей значение, была та, которую она хотела заключить со своим сердцем.

– Ваш латте, Персефона. – К ней подошла Ариана, одна из бариста. Персефона уже познакомилась почти со всем персоналом «Кофе Хаус» – благодаря своей знаменитости и частым визитам.

– Спасибо, Ариана.

Бариста училась в Колледже Гигиены и специализировалась на эпидемиологии. Это была довольно спорная ветвь науки с учетом того, что некоторые болезни имели божественное происхождение и могли быть излечимы только в случае, если так было суждено.

– Я лишь хотела поздравить вас с помолвкой с лордом Аидом. Вы, наверное, так рады.

Персефона улыбнулась. Ей было немного сложно принимать поздравления с учетом того, что буря, устроенная Деметрой, разыгрывалась все сильнее. Богине никак не удавалось перестать думать о том, что, если бы смертные знали причину такой внезапной перемены погоды, они бы так не радовались их свадьбе. И все же она выдавила ответ:

– Да, спасибо.

– А вы уже выбрали дату?

– Нет, пока нет.

– А ваша свадьба состоится здесь? В смысле, в верхнем мире?

Персефона сделала глубокий вдох. Она и не думала, что подобные вопросы могут привести ее в такое отчаяние. Богиня знала, что на самом деле эта девушка, как и многие другие, с восторгом ждала этого события, и все же они порождали в ней беспокойство.

– Знаете, мы это еще не обсуждали. Мы пока очень заняты.

– Конечно, – ответила бариста. – Ну, я тогда не буду отвлекать вас от работы.

Персефона ответила вялой улыбкой, и бариста развернулась, чтобы уйти. Богиня отпила глоток кофе, прежде чем снова взглянуть на планшет и открыть статью, что прислала ей прошлой ночью Елена. Она не смогла бы описать, что именно почувствовала, прочитав заголовок, но это было что-то близкое к ужасу.

«ПРАВДА О ТРИАДЕ – ГРУППЕ СМЕРТНЫХ АКТИВИСТОВ»

Долгие годы после Великого сошествия смертные жили в постоянной тревоге из-за присутствия богов на Земле. В противовес их влиянию сформировались разные группы. Некоторые из них выбрали для себя идеологию безбожников. Эти смертные не молятся и не поклоняются богам, не ждут их милости, предпочитая вместо этого вовсе избегать божественности. Некоторые безбожники предпочитают выполнять пассивную роль в войне с богами.

Другие заняли более активную позицию и присоединились к Триаде.

“У богов монополия на все – от ресторанов до одежды и даже на горные работы. Смертные не способны с ними конкурировать, – говорит один из членов организации, пожелавший остаться неназванным. – Для чего богам деньги? Им-то вроде как не приходится выживать в нашем мире”».

Персефона уже слышала этот аргумент, и хотя она не могла говорить за остальных богов, она смогла бы защитить Аида. Бог мертвых был богатейшим из олимпийцев, но его благотворительные взносы оказывали большое влияние на мир смертных.

Елена продолжила:

«Триада отстаивает три вида прав смертных: справедливость, свободу и свободу воли. Их цель проста: убрать влияние богов из повседневной жизни. Они заявляют, что у них появились новые лидеры, поощряющие более миролюбивый подход в противостоянии с богами, в отличие от их прошлых акций, включавших подрывы бомб в местах скопления людей и на предприятиях, чьими владельцами являются боги».

Не было никаких свидетельств, что Триада причастна к последним нападениям. На самом деле единственное, в чем они участвовали за последние пять лет, – это протестные акции, организованные на улицах Новых Афин против Панэллинских игр. Несмотря на то что некоторые греки считали их важным культурным событием, Триаде был ненавистен тот факт, что боги выбирали героев и натравливали их друг на друга. Эта практика неизменно приводила к смерти, и хотя Персефона соглашалась, что драки до смерти были архаичным явлением, это был выбор смертных.

«Боги, я начинаю говорить как Аид».

Она продолжила читать:

«Несмотря на это заявление о мире, за последний год зарегистрировано 593 нападения на людей, о связях с богами которых известно публике. Ответственные за эти преступления говорят, что поддерживают новую миссию Триады, возвецающую перерождение. Возросший уровень смертности остался незамеченным как богами, так и смертными, отодвинутый на задний план новостями о свадьбе, зимней буре и новой линии одежды от Афродиты.

Возможно, боги не видят в Триаде угрозу, но, учитывая их историю, можно ли им доверять? Как было наглядно показано, если так называемая группа активистов решит действовать, страдать придется не им. Это будут люди, случайно оказавшиеся рядом. И в мире, где смертные превосходят богов числом, стоит ли нам спрашивать, что должны делать боги?»

От последнего предложения во рту Персефоны появилась горечь, особенно на фоне недавней смерти Адониса. И все же даже с учетом правды, высвеченной Еленой в статье, Персефоне нужно было больше подробностей. Она хотела услышать от лидеров Триады: несут ли они ответственность за эти 593 нападения? Если нет, то осуждают ли они действия этих негодяев? Каковы их планы на будущее?

Она так сосредоточилась на своих заметках, что совершенно не обратила внимания на то, что к ней кто-то подошел, пока незнакомый голос не отвлек ее от работы:

– Вы Персефона Роузи?

Богиня дернулась, резко подняв голову, и встретилась взглядом с женщиной с большими карими глазами и изогнутыми бровями. Ее лицо в форме сердца было обрамлено густыми темными волосами. Одея она была в черное пальто, отделанное мехом, и сжимала в ладонях стакан дымящегося кофе.

Персефона улыбнулась ей:

– Да, это я.

Она ожидала, что женщина попросит автограф или сфотографироваться с ней, но вместо этого женщина сдернула со стакана крышку и выплеснула кофе прямо ей на колени. Персефона вскочила, кожу на ногах жгло, и во всем кафе стало тихо.

Пару мгновений Персефона стояла молча, ошарашенная болью. Магия сотрясала ее до костей, отчаянно желая защититься.

Женщина развернулась, выполнив задуманное, но вместо того, чтобы ускользнуть, столкнулась с Зофи – амазонкой и эгидой Персефоны.

Та была прекрасна – высокая, с оливковой кожей и темными волосами, собранными в длинную косу у нее за спиной. Когда Персефона впервые ее встретила, та была одета в золотые доспехи, но после похода в бутик Афродиты теперь имела более современный гардероб. Сегодня на ней был черный свитер. Единственной вещью, не сочетавшейся с остальным нарядом, был огромный меч, что она занесла над головой обидчицы Персефоны.

Зал заполнили вопли.

– Зофи! – закричала Персефона, и лезвие меча амазонки застыло в миллиметре от шеи женщины. Эгида встретила взглядом с Персефоновой – в ее глазах сверкнуло разочарование, словно она не понимала, почему ей нельзя продолжить казнь.

– Да, миледи?

- Убери меч, – приказала Персефона.
- Но... – запротестовала она.
- Сейчас же.

Команда была отдана сквозь стиснутые зубы. Только этого еще не хватало Персефоне, – чтобы Зофи пролила из-за нее кровь. Все происходящее и так будет в заголовках газет, – люди бесстыдно снимали их на видео и делали фотографии. Она сделала себе пометку сообщить об инциденте Илиасу, – может, он успеет опередить медиа.

Амазонка заворчала, но подчинилась, и ее меч исчез из виду. Избавившись от физической угрозы, женщина снова овладела собой и повернулась к Персефоне.

– Лемминг, – прошипела она с большей ненавистью в глазах, чем Персефона когда-либо видела у Минфы или своей матери, и выбежала из «Кофе Хаус», пробудив приятный звон колокольчика у двери.

Как только она скрылась из виду, Зофи произнесла:

- Лишь одно ваше слово, миледи. И я уничтожу ее в переулке.
- Нет, Зофи. Еще только не хватало испачкать наши руки убийством.
- Это не убийство, – возразила та, – а отмщение.
- Я в порядке, Зофи.

Персефона отвернулась, чтобы собрать свои вещи, понимая, что на них все еще смотрят люди. Она пожалела, что не обладала властью над молниями, как Зевс, потому что тогда смогла бы вывести из строя все электронные девайсы в этом месте – просто чтобы научить их заниматься своими делами и не совать нос в чужие.

– Но... она вас ранила! – запротестовала Зофи. – Лорд Аид будет мною недоволен.

– Ты выполнила свою работу, Зофи.

– Если бы я выполнила свою работу, вас бы не ранили.

– Ты пришла сразу, как смогла, – ответила Персефона. – И я не ранена. Со мной все в порядке.

Конечно же, она лгала – по большей части чтобы защитить Зофи. Амазонка непременно снова попыталась бы отказаться от своей должности, если бы знала, как сейчас больно Персефоне.

«Кто вообще мог додуматься использовать кофе в качестве оружия?» – подумала Персефона. Какое предательство.

– Почему она на вас напала?

Персефона нахмурилась. Она не знала.

«Лемминг» – так назвала ее женщина. Персефоне было известно его значение – слепой последователь, – но ее никогда прежде так не называли.

– Я не знаю, – ответила она и вздохнула. Она встретилась взглядом с Зофи: – Позвони Илиасу, сообщи ему, что случилось. Может, ему удастся опередить газеты.

– Конечно, миледи. Куда вы теперь?

– Хочу найти Аида, – ответила она, оценивая урон, нанесенный ее ногам. Ее кожа под одеждой ныла. – В последний раз, когда мне попробовали навредить, он подверг нападавшего пыткам.

Она накинула на плечи пальто и отправила Левке и Елене быстрое сообщение, что их утренняя встреча отменяется и она увидится с ними вечером.

– Встретимся у Сивиллы? – спросила она амазонку.

– Да, на новоселье, – ответила та, а потом сдвинула брови: – Мне принести дрова? ²

Персефона рассмеялась:

---

² Housewarming party – *англ.* дословно «вечеринка для разогрева дома». В старину гости приходили в новый дом со своими дровами и дарили их хозяевам, чтобы те разожгли очаг и согрели жилище, а также отогнали злых духов.

– Нет, Зофи. Принеси... вино или еду.

Персефона мало что знала о том, как росла Зофи, но было очевидно, что народ на острове, где она родилась, не развивался вместе с современным обществом. Спросив об этом Гекату, она получила ответ: «Так предпочитает Арес».

«Предпочитает... что?»

«Амазонки – его дети, воспитанные для войны, а не мира. Он держит их в уединении на острове Терма, чтобы они не знали ничего, кроме войны».

Услышав об этом, Персефоне стало интересно, как Зофи познакомилась с Аидом и стала ее эгидой.

Богиня снова сконцентрировалась на амазонке:

– Если тебе нужны идеи, просто напиши Сивилле и спроси, что принести. Она поможет.

Когда Персефона вышла из кафе, ее окружил пронизывающий ветер. Там, где одежда намочена, кожа стала мерзнуть еще сильнее. Она пошла по тротуару, уже скользкому от воды и снега, и свернула за угол здания, чтобы скрыться от глаз прохожих, после чего перенеслась в подземное царство.

Она оказалась в спальнях покоях, в глубине души надеясь, что Аид уже будет там – раздраженный и готовый осмотреть ее раны, – но он еще не прибыл. Она отложила сумочку, сбросила пальто и осторожно стянула с себя лосины из искусственной кожи. Она все еще чувствовала остаточную боль от ожога там, куда выплеснулся горячий кофе. К счастью, урон был минимален, – бедра покраснели и кожу слегка саднило, кое-где уже появился намек на волдыри. «Может, мне поможет холодная вода», – подумала она.

Но стоило лишь богине повернуться к ванной комнате, как дорогу ей преградил Аид.

Ошеломленная Персефона замерла на месте, вскинув руки, чтобы инстинктивно прикрыть обнаженную грудь. Бог стоял перед ней, сверкая глазами, одетый в костюм с иголки. Его волосы были приглажены назад и собраны в идеальный пучок на затылке – каждая прядка на своем месте. Рельефный подбородок аккуратно выбрит с коротко остриженной бородкой.

– Аид! Ты меня напугал.

Его взгляд опустился к ее груди, и он улыбнулся, потянувшись к ее руке.

– Тебе следовало бы знать, что я появлюсь рядом, как только ты останешься без одежды. Это шестое чувство.

Он наклонился, чтобы коснуться губами костяшек ее пальцев, его глаза скользнули ниже, и рот скривился. Аид отпустил ее руку только для того, чтобы прижать ладонь к ее бедру. Она поежилась. Его ладонь показалась ей холодной по сравнению с жаром, что создавали волдыри.

– Что это? – его голос почти перешел в шипение.

Очевидно, до него еще не дошли новости.

– Какая-то женщина вылила кофе мне на колени, – объяснила Персефона.

– *Вылила?*

– Если ты спрашиваешь, сделала ли она это намеренно, то ответ «да».

Что-то темное вспыхнуло в глазах Аида. Это был тот же взгляд, что она видела прошлой ночью, когда он принес весть о смерти Адониса. Спустя мгновение он опустился перед ней на колени. Волна магии выплеснулась из его ладоней, окутав ее кожу, пока боль от ожога не утихла и волдыри не исчезли. Исцелив ее, Аид не поднялся с коленей, а обхватил ее ноги сзади.

– Ты расскажешь мне, что это была за женщина? – спросил он, скользя губами по внутренней поверхности ее бедер.

– Нет, – она сделала резкий вдох, опустив ладони ему на плечи.

– И я не смогу... уговорить тебя?

– Возможно, – выдохнула она. – Но я не знаю ее имени, так что все твои... *уговоры* будут напрасны.

– Я ничего не делаю напрасно.

Аид обхватил ее крепче, уткнувшись головой ей между ног, – его рот сомкнулся на кли-
торе. Персефона охнула, погрузив пальцы в его гладкие волосы.

– Аид...

– Не заставляй меня останавливаться, – хрипло произнес он.

– У тебя есть полчаса, – сказала она.

Аид поднял на нее взгляд.

Боги, как же он прекрасен и чертовски эротичен. Жар внизу живота плавил ее изнутри. Ее сердцевина уже была влажной. К тому времени, как он прикоснется к ней губами, она уже достигнет экстаза, – ему даже не придется добиваться ее оргазма.

– Всего полчаса?

– А тебе нужно больше? – поддразнила она.

Бог ответил ей плутовской улыбкой:

– Дорогая, мы оба знаем, что я могу заставить тебя кончить за пять минут, но что, если я не хочу торопиться?

– Позже, – ответила она. – У нас впереди вечеринка, и мне еще надо испечь кексы.

Аид нахмурился:

– Разве у смертных не считается модным опаздывать?

Персефона приподняла бровь:

– Это Гермес тебе сказал?

– А он ошибается?

– Я не собираюсь опаздывать на вечеринку Сивиллы, Аид. Если хочешь доставить мне удовольствие, позволь мне кончить и не опоздать.

Аид ухмыльнулся:

– Как пожелаешь, моя дорогая.

Глава IV «Я никогда не»

Персефона с Аидом появились у двери квартиры Сивиллы.

По спине богини бежали мурашки.

Виной тому был как холод вокруг, так и последний час, проведенный с богом мертвых на коленях перед ней. Ей следовало бы уже привыкнуть к греховности Аида, но ему по-прежнему удавалось ее удивить – он ублажал ее, пока она стояла, перекинув одну ногу через его плечо. Его язык ласкал, дразнил и мучил. Богиня прижималась к нему, неспособная преодолеть стремление своего тела к его губам. Она кончила под рычание Аида, вырвавшееся из глубин его груди. И после этого у нее осталось достаточно времени, чтобы приготовить кексы для вечеринки Сивиллы.

Ее тело вновь сотрясла дрожь. Холод пронизывал, словно втыкая иголки ей в кожу. Для июля такая погода была противоестественна, и ничто – даже счастье, вдохновленное любовью Аида, – не могло усмирить ужас, что она испытывала от продолжающегося снегопада.

«Это начало войны».

Так сказал Аид – в тот вечер, когда сделал ей предложение, на этот раз опустившись на колено с кольцом в руках. Это было лучшее мгновение в ее жизни, но оно было омрачено магией Деметры. Кончики пальцев Персефоны вдруг начало покалывать от магии – реакция на внезапную дрожь гнева, пробежавшую у нее по спине.

Аид крепче обхватил ее за талию.

– Ты в порядке? – уточнил он, без сомнения, почувствовав прилив ее магии.

Персефона пока еще не овладела способностью не давать своей магии реагировать на эмоции.

– Персефона?

Голос Аида привлек ее внимание, и она осознала, что не ответила на вопрос. Богиня запрокинула голову, встретившись взглядом с его темными глазами. Тепло расплутось в глубине ее живота, когда ее взгляд скользнул по его губам и щетине на подбородке, и она вспомнила их прикосновение к своей коже, восхитительное трение – дразнящее и ласкающее.

– Я в порядке, – ответила она.

Аид с сомнением приподнял бровь.

– Да, – добавила Персефона. – Я просто думала о своей матери.

– Не порти себе вечер мыслями о ней, моя дорогая.

– Немного сложно игнорировать ее при такой-то погоде, Аид.

Он поднял голову и на мгновение уставился в небо. Его тело напряглось, – богиня знала, что Аид обеспокоен не меньше ее, но Персефона не стала спрашивать, о чем он думает. Сегодня она хотела повеселиться, потому что что-то подсказывало ей, что после этой ночи у нее уже не будет такой возможности.

Она постучала, но вместо Сивиллы дверь открыл светловолосый мужчина. Его волнистые волосы доходили ему почти до плеч. Нависающие веки прикрывали голубые глаза, а подбородок и щеки оттеняла щетина. Он был красив, но совершенно точно ей не знаком.

«Как странно», – подумала Персефона. Она была уверена, что это квартира Сивиллы.

– Эм, кажется, мы ошиблись адресом...

– Вы Персефона, верно? – спросил мужчина.

Она замешкалась, и рука Аида обняла ее еще крепче.

– Персефона! – За мужчиной возникла Сивилла, нырнула под его руку и обняла Персефону. – Я так рада, что ты пришла!

В ее голосе звучали нотки облегчения. Сивилла отстранилась, и ее взгляд переместился на Аида.

– Я рада, что вы тоже смогли прийти, Аид, – голос Сивиллы прозвучал тихо и застенчиво. Персефону это слегка удивило, учитывая, что та была уже знакома с богами. Всего несколько месяцев назад она служила оракулом у Аполлона... пока он не лишил ее дара пророчества из-за того, что отказалась с ним переспать. Поведение бога музыки сделало его объектом статьи Персефоны, что в итоге обернулось для нее катастрофой.

Как оказалось, он был всеобщим любимцем, и статью Персефоны восприняли как клевету. Кроме того, Аид пришел в ярость – настолько, что удерживал Персефону узницей в подземном царстве, пока не смог заключить с Аполлоном сделку, чтобы тот не смог навредить ей.

Этот опыт многому научил Персефону, прежде всего тому, что мир не готов поверить страдающей женщине. Это стало одной из причин, по которой она создала агентство «Защитник».

– Я ценю ваше приглашение, – кивнул Аид.

– Ты собираешься меня представить? – поинтересовался светловолосый незнакомец.

Персефона заметила, что Сивилла замерла. Всего на секунду, словно она уже забыла о присутствии мужчины, и на ее лице появилась скромная извиняющаяся улыбка, прежде чем она обернулась:

– Персефона, Аид, это Бен.

– Привет, – он протянул ладонь для рукопожатия. – Я ее пар...

– Друг, Бен просто друг, – быстро произнесла Сивилла.

– Ладно, будущий парень, – улыбаясь, произнес Бен, но выражение лица Сивиллы выдало ее отчаяние. Взгляд Персефоны скользнул от оракула к смертному, когда она пожимала его липкую ладонь.

– Эм, приятно... познакомиться.

Бен повернулся к Аиду. Бог мертвых опустил взгляд на его руку:

– Ты не хочешь пожимать мне руку, смертный.

Глаза Бена слегка распахнулись, последовала неловкая пауза, но всего мгновение спустя парень снова заулыбался.

– Ну что, идем? – спросил он.

Он отступил в сторону, жестом приглашая их войти. Персефона изогнула бровь, взглянув на Аида, когда они вошли в теплую квартиру. У Аида была способность заглядывать в душу, и Персефоне было любопытно, что он увидел, когда посмотрел на Бена, хотя она и так догадывалась.

Серийный убийца.

– Что? – спросил Аид.

– Ты обещал вести себя хорошо, – ответила она.

– Не в моем характере утешать смертных, – произнес Аид.

– Но в твоем характере утешать меня.

– Увы, – тихо ответил он. – Ты моя величайшая слабость.

От входной двери квартиры Сивиллы начинался короткий коридор, который вел на кухню и в маленькую гостиную. В помещении было почти пусто, если не считать маленького диванчика и телевизора. И хотя этому интерьеру было далеко до экстравагантности, в которой она жила с Аполлоном, он был оригинальным и уютным. Он напомнил Персефоне квартиру, в которой они жили с Лексой.

– Вина? – спросила Сивилла, и Персефона была рада, что та ее отвлекла.

– Да, пожалуйста, – ответила она, подавляя боль, что возникла у нее в груди при мысли о лучшей подруге.

– А вам, Аид?

– Виски... пойдет любой, какой у вас есть. Чистый... пожалуйста, – добавил он после паузы. Персефона скривила лицо, но он хотя бы попросил вежливо.

– Чистый? – переспросил Бен. – Настоящие любители виски добавляют хотя бы воды.

Сердце забилось в груди Персефоны, когда она увидела, как Аид встретился взглядом с Беном.

– Я добавляю кровь смертных.

– Конечно, Аид, – тут же ответила Сивилла, достав бутылку из коллекции на стойке и протянув ему. – Вам сегодня пригодится.

– Спасибо, Сивилла, – поблагодарил он, быстро скрутив пробку с бутылки.

Оракул налила Персефоне бокал вина и передала через барную стойку.

– Так как вы познакомились с Беном? – поинтересовалась Персефона, пригубив вино.

Сивилла уже открыла рот, чтобы ответить, но Бен ее опередил:

– Мы познакомились в «Четырех оливах», я там работаю. Для меня это была любовь с первого взгляда.

Персефона поперхнулась, и вино обожгло ей горло, так что она выплюнула его обратно в бокал. Богиня встретилась взглядом с Сивиллой, которая будто оцепенела, сгорая со стыда, но, прежде чем кто-то из них успел что-либо сказать, раздался стук в дверь.

– Слава богам, – Сивилла практически побежала к двери, оставив Персефону и Аида наедине со смертным.

– Я знаю, что еще не убедил ее, – пояснил Бен. – Но это лишь вопрос времени.

– Почему ты так уверен? – спросила Персефона.

Парень расправил плечи и заявил:

– Я оракул.

– О черт, – проворчал Аид.

Персефона ткнула его локтем.

– Прошу меня извинить, – добавил бог и вышел из кухни с бутылкой виски в руках.

Бен наклонился над барной стойкой:

– Кажется, я ему не нравлюсь.

– С чего ты взял? – спросила Персефона, продолжая краснеть.

Бен повел плечом:

– Да просто... ощущение такое.

Снова наступила долгая неловкая пауза, но стоило только Персефоне открыть рот, чтобы извиниться и отправиться на поиски Аида, как так называемый оракул заговорил.

– Ты проиграла, – сказал он.

– Прости?

– Да, – прошептал он – с расфокусированными, остекленевшими глазами. – Ты проиграла и снова проиграешь.

Персефона стиснула зубы.

– Потеряв одного друга, потеряешь и многих других. И ты... ты перестанешь сиять, как уголек, угасший в ночи.

Ее гнев постепенно рассеялся, превратившись в отвращение, когда она узнала эти слова.

– Почему ты цитируешь «Леонида»?

Этот телевизионный сериал – о спартанском царе и его войне с персами – был довольно популярен, и к тому же его обожала Лекса. Это была драма, полная любви, страсти и крови.

Бен заморгал, сфокусировав взгляд.

– Что ты сказала? – спросил он, и Персефона закатила глаза. Она ненавидела лжепророков. Они были опасны иставляли посмешищем настоящее искусство пророчества. Богиня начала было говорить, но ее прервал восторженный крик Гермеса.

– Сефи! – Бог плутовства закинул руки ей на шею, сжав богиню в объятиях. Он сделал глубокий вдох: – От тебя пахнет Аидом... и сексом.

Она оттолкнула бога:

– Прекрати быть таким гадким, Гермес!

Бог хохотнул и выпустил ее из объятий, обратив свой сверкающий взгляд на Бена.

– О, а это еще кто? – высокий тон голоса явно выдавал его интерес.

– Это Бен. Они с Сивиллой... – она не знала, как закончить предложение, но ей и не пришлось, потому что все равно никто не слушал. Бен уже во весь рот улыбался богу хитрости.

– Гермес, верно?

– О, так ты обо мне слышал?

Персефона закатила глаза. Он задал ей тот же вопрос, когда они познакомились. Она никогда не спрашивала, почему он его задает, но подозревала, что так он напрашивался на комплименты, учитывая, что о нем слышали абсолютно все.

Ее не удивило, когда он получил обратный эффект.

– Конечно, – ответил Бен. – Ты все еще посланник богов, или они уже пользуются электронной почтой?

Персефона приподняла брови и поджала губы, чтобы не рассмеяться.

Гермес прищурил глаза:

– Для тебя – лорд Гермес. – Он развернулся и пробормотал, проходя мимо Сивиллы: – Можешь оставить его себе.

Бог воров расстраивался недолго, потому что заметил Аида, стоящего в гостиной Сивиллы.

– Так, так, так, посмотрите-ка, кто решил затемнить угол – в буквальном смысле.

Аид выглядел в квартире Сивиллы чем-то чужеродным – как и в тот вечер, когда пришел к ней и Лексе готовить печенье. Тогда он, по крайней мере, попытался подстроиться, надев черную футболку и спортивные штаны. Сегодня же он настоял на том, чтобы быть в костюме.

«А что случилось с теми штанами, в которых ты приезжал ко мне?» – спросила Персефона, когда они собирались.

«Я их... выбросил».

У нее округлились глаза:

«Но почему?»

Аид пожал плечами:

«Я не думал, что они мне когда-нибудь снова понадобятся».

Она приподняла бровь:

«Хочешь сказать, ты думал, что тебе никогда больше не придется встречаться с моими друзьями?»

«Да, – он опустил взгляд на свой костюм. – Я что, не соответствую твоим ожиданиям?»

Она хихикнула:

«Да нет, пока ты их превосходишь».

Бог улыбнулся, и ей показалось, что сердце вот-вот выскочит у нее из груди. На свете не было ничего прекраснее улыбки Аида.

Вновь раздавшийся стук в дверь возвестил о том, что прибыли новые гости – на этот раз это была Елена. На ней было длинное бежевое пальто с меховым воротником, которое она сняла и перекинула через руку. Под ним оказались белая блузка с длинным рукавом и серо-желтая юбка с лосинами. Она завила свои длинные волосы, которые ниспадали ей на плечи волнами цвета меда. Елена принесла вино и протянула его Сивилле, поцеловав ту в щеку.

Они познакомились совсем недавно, но, как и все в окружении Персефоны, быстро подружились.

– Эта погода, – произнесла Елена. – Она такая... противоестественная.

– Ага, – тихо ответила Персефона, которую накрыло чувством вины. – Просто ужасная.

В дверь снова постучали, и Сивилла пошла открывать, на этот раз вернувшись с Левкой и Зофи. Эти двое теперь были соседками, и Персефона еще не решила для себя, было ли это хорошей идеей. Левка только недавно вернулась в мир смертных, несколько веков пробыв деревом, а Зофи совершенно не понимала людей, потому что выросла среди женщин-воинов. И все же они двое учились – как простым вещам, вроде хождения по тротуарам и заказа еды, так и более сложным аспектам жизни смертных, вроде социализации и самоконтроля.

Левка была наядой – водяной нимфой. Благодаря белым волосам и ресницам и бледной коже ее голубые глаза казались яркими, как солнце. Когда Персефона впервые ее встретила, Левка была настроена воинственно, и ее прекрасные черты казались свирепыми и угловатыми. Спустя время она узнала нимфу получше, и ее отношение к ней изменилось, несмотря на тот факт, что Левка прежде была любовницей Аида. Тем не менее Персефона была уверена, что между ними не осталось привязанности, чего нельзя было сказать о Минфе, – и благодаря этому факту решение принять Левку под свое крыло далось ей намного легче. Сегодня на нимфе было простое легкое голубое платье, в котором она была похожа на снежную королеву.

Войдя в квартиру, Зофи улыбалась, но тут же стала серьезной, заметив Аида.

– Милорд! – воскликнула она и быстро кивнула.

– Не надо делать этого здесь, Зофи, – попросила Персефона.

– Но... он же лорд подземного царства.

– Мы все в курсе, – сказал Гермес. – Взгляни на него – он единственный гот в этой комнате.

Аид сверкнул на него глазами.

– Раз все уже здесь, давайте поиграем! – произнес Гермес.

– Во что? – спросила Елена. – В покер?

– Нет! – ответили в унисон все присутствующие, устремив глаза на Аида, который ответил им свирепым взглядом, словно хотел испепелить. Персефона могла лишь представить, как долго ей придется компенсировать его страдания.

– Давайте сыграем в «Я никогда не»! – Гермес потянулся через барную стойку к кухонному шкафу и схватил несколько бутылок разного алкоголя. – С шотами!

– Ладно, но у меня нет рюмок, – пожалала плечами Сивилла.

– Значит, вам всем придется найти, из чего пить.

– О боги, – пробормотала Персефона.

– А что за «Я никогда не»? – поинтересовалась Зофи.

– Все очень просто, – ответил Гермес, поставив бутылки на кофейный столик. – Ты рассказываешь о чем-то, что никогда не делала, и если кто-то это делал, он выпивает рюмку.

Гости заполнили гостиную. Гермес уселся на одну половину дивана, в то время как Бен занял другую – пока не заметил, что Сивилла села на пол рядом с Персефой. Тогда он покинул свое место, чтобы втиснуться рядом с ней. Наблюдать за его поведением было неловко, так что Персефона отвела глаза и обнаружила, что на нее пристально смотрит Аид. Он стоял напротив нее, немного выходя из круга, который они сформировали. Она спросила себя, найдет ли он причину не играть в эту игру, и богиня не могла отрицать, что в глубине души хотела посмотреть, как он ответит на каждое из заявлений.

Но одновременно и боялась этого.

– Я первый! – выкрикнул Гермес. – Я никогда не... занимался сексом с Аидом.

Взгляд Персефоны был убийственным, – она знала это, потому что почувствовала, как раздражение разъедает чары, что она накладывала с целью приглушить цвет своих зрачков.

– *Гермес*, – выдавила она его имя сквозь зубы.

– Что? – проскулил он. – Эта игра – сложная штука для кого-то моего возраста. Я же уже делал *все*.

Потом Левка прокашлялась, и у него округлились глаза, когда он понял, что наделал.

– Ой, – произнес он. – *Ой*.

Персефоне нравилась Левка, но это не значило, что ей нравилось, когда ей напоминали об общем прошлом Аида и нимфы. Она намеренно не смотрела на Левку, отпив из бутылки «Фаербол»³.

Следующим был Бен:

– Я никогда не преследовал бывшую девушку.

За заявлением лжепророка последовала всеобщая неловкость. Он пытался доказать, что не был подозрительным типом?

Никто не выпил.

Следующей была Сивилла:

– Я никогда не... влюблялась с первого взгляда. – Это был камень в огород Бена, но он, казалось, даже не заметил, – или, возможно, ему было все равно, ведь он был уверен в своих способностях в качестве оракула. Он выпил.

Следующей была Елена:

– Я никогда не... занималась сексом втроем.

Никого не удивило, что Гермес отпил из бутылки, но это же сделал и Аид, и у Персефоны отлила кровь от лица. Может, дело было в том, *как* он это сделал – опустив глаза, так что ресницы отбросили тень на его щеки, словно не хотел знать, смотрит ли она на него. И все же богиня попыталась урезонить себя, – ведь они это уже обсуждали. Аид не собирался извиняться перед ней за то, что жил до нее, и она это понимала. Она осознавала, что у Аида, бога мертвых, было много разнообразного сексуального опыта, и все равно ревновала.

Наконец Аид поднял на нее глаза. Они были темны, но едва заметный огонь оттенял зрачки, словно осколок луны. Ей хорошо был знаком этот взгляд – не предупреждение, а скорее мольба: «Я люблю тебя, теперь я с тобой. Все остальное не имеет значения».

Она это знала – верила в это всем своим сердцем, но когда игра продолжилась, заявлений, по которым она могла выпить, было крайне мало – особенно по сравнению с Аидом.

– Я никогда не... ел еду с чьего-то обнаженного тела, – произнес Бен, а потом добавил, бросив прямой взгляд на Сивиллу: – Но мне бы хотелось.

Аид выпил, и Персефону затошнило.

– Я никогда не... занималась сексом на кухне, – сказала Елена.

Аид выпил.

– Я никогда не занималась сексом на людях, – сказала Сивилла.

Аид выпил.

– Я никогда не имитировала оргазм, – сказала Елена.

Персефона не знала, что на нее нашло – но она подняла бокал и сделала глоток вина. Когда она поставила бокал на место, Аид приподнял бровь, и его глаза потемнели. Она почувствовала натиск его энергии – с требованием. Он хотел заставить ее говорить – ощутить вкус ее кожи и подтвердить, что она солгала.

Она не ожидала, что Аид бросит ей вызов на глазах у всех:

– Если это правда, я с удовольствием исправлю ситуацию.

– О, – поддразнил Гермес. – Кого-то сегодня поимеют.

– Заткнись, Гермес.

– Что? Тебе повезло, что он не утащил тебя в подземное царство в то же мгновение, как ты подняла бокал.

Это все еще было возможно, если учитывать, как на нее смотрел Аид. У него были вопросы, и он жаждал получить ответы.

---

³ Оригинальный канадский виски с корицей, перцем чили и другими ингредиентами.

– Давайте поиграем во что-нибудь другое, – предложила Персефона.

– Но мне нравится эта игра, – занял Гермес. – У меня только начало получаться.

Она пронзила его свирепым взглядом.

– Кроме того, Аид как раз составляет список всех способов, как хочет заняться с...

– Хватит, Гермес! – Персефона встала и вышла в коридор. Зайдя в туалет, она закрыла дверь и, прислонившись к ней, села на пол. Богиня закрыла глаза и выдохнула – это была провальная попытка отпустить странное чувство, что возникло у нее внутри. Она не могла его описать, но оно было тягучим и тяжелым.

Воздух вокруг вдруг всколыхнулся, и она напряглась, почувствовав, как тело Аида окружило ее со всех сторон, его щека коснулась ее щеки, а дыхание защекотало ей ухо.

– Ты должна была понять, что твои действия разожгут во мне пламя, – его голос был низким и грубым, и у нее потянуло низ живота. Его тело было напряжено, едва сдерживая силу. – Когда это я оставил тебя неудовлетворенной?

Богиня тяжело сглотнула, зная, что ему нужна правда.

– Ты мне не ответишь?

Он поднял руку к ее горлу, – не сжав, но заставив посмотреть ему в глаза.

– Я предпочла бы не слышать о твоих сексуальных утехх в игре с моими друзьями, – произнесла она.

– И ты решила заявить, что я тебя не удовлетворил, в тех же условиях?

Персефона отвела взгляд. Ладонь Аида все еще лежала на ее горле, и когда он наклонился вперед, его язык скользнул по ее уху.

– Может, мне стоит лишить их сомнений, что я могу заставить тебя кончить?

Он задрал на ней юбку и разорвал кружевное белье.

– Аид! Мы же в гостях!

– И что? – Он поднял ее с пола, прислонив спиной к двери. Его движения были четкими, но грубыми – проблеск жестокости, пробудившийся под кожей.

– Это невежливо – заниматься сексом в чужой ванной комнате.

Аид облизнул ее губы, прежде чем приоткрыть их языком, и ее возражения заглушил страстный поцелуй – она едва могла дышать.

«Зачем я его спровоцировала? Потому что я этого хотела, – подумала она. – Потому что мне это нужно».

Персефона желала разозлить его, ощутить на своей коже его гнев, пока не забудет прошлое, где ее не было рядом с ним.

Ее сердцевина сжалась, когда богиня почувствовала, как головка члена Аида уперлась в нее, и в следующее мгновение он уже целиком погрузился в нее. Персефона запрокинула голову, из груди вырвался стон – откровенный и бесстыдный, – когда на нее накатил волна удовольствия.

А потом в дверь постучали.

– Мне ужасно неудобно прерывать то, что у вас там происходит, – крикнул Гермес. – Но мне кажется, вы двое обязаны это увидеть.

– Не сейчас, – зарычал Аид, уткнувшись в изгиб шеи Персефоны. Все его тело было напряжено. Это была попытка самоконтроля.

И ей хотелось, чтобы он уже избавился от этой привычки.

Она повернула голову к нему, скользнула по его уху своим языком, а потом прикусила зубами. Аид сделал вдох, его ладони сжали ее ягодицы.

– Ладно, во-первых, невежливо заниматься сексом в чужой ванной комнате, – произнес Гермес. – А во-вторых, я говорю о погоде.

Аид застонал, а потом прорычал:

– Дай нам секунду, Гермес.

– И как долго длится ваша секунда? – уточнил тот.

– *Гермес*, – предупреждающим тоном ответил Аид.

– Ладно, ладно.

Они остались одни, и Аид вышел из нее. Она сразу же ощутила его отсутствие – и ноющую боль.

– Проклятье, – выдохнул он, поправляя одежду.

– Прости, – произнесла Персефона.

Аид нахмурил брови:

– За что ты извиняешься?

Она открыла рот, чтобы объяснить: может, за свою ревность, или за то, что им пришлось остановиться, или за бурю, – она и правда не знала. Богиня закрыла рот, и Аид наклонился к ней.

– Я не злюсь на тебя, – он поцеловал ее. – Но твоя мать еще пожалеет о том, что помешала нам.

Персефоне хотелось узнать, что он имеет в виду, но не стала задавать ему вопросов, когда они вышли из ванной. Они шли по коридору, когда до них донесся голос из телевизора:

– По всей Новой Греции объявлено штормовое предупреждение. Надвигается ледяная буря.

– Что происходит?

– Пошел ледяной дождь, – ответила Елена. Она стояла у окна, приоткрыв занавески.

Персефона подошла к ней. Она услышала легкий стук льда о стекло. Богиня нахмурилась. Она знала, что погода ухудшится, но не ожидала, что это случится так скоро.

– Это бог, – сказал Бен. – Нас проклял кто-то из богов!

Персефона встретила взглядом с Аидом. В гостиной повисло напряженное молчание. Смертный повернулся к Аиду и спросил:

– Вы будете отрицать?

– Глупо делать поспешные выводы, смертный, – ответил Аид.

– Я не делаю поспешных выводов. Я это предвидел! Боги нашьют на нас ужас. Нас ждут отчаяние и разруха.

Слова оракула камнем упали в душу Персефоне, холодные и тяжелые. Несмотря на тот факт, что она считала его безумцем, она не могла отрицать – то, что он говорил, было более чем возможно.

– Осторожнее со словами, оракул, – на этот раз заговорил *Гермес*. Было пугающе видеть его таким свирепым, таким оскорбленным, и от тона его голоса у Персефоны по спине побежали мурашки.

Обвинения Бена были серьезны, и его предсказание вполне могло навлечь гнев богов.

– Я всего лишь говорю...

– ...то, что слышишь, – закончила за него Сивилла. – А это может быть или не быть словом бога. И так как у тебя нет покровителя, я полагаю, что тебя подпитывает предсказаниями безбожная сущность. Если бы ты прошел обучение, то понимал бы это.

Персефона перевела взгляд с Сивиллы на Бена. Ей не было известно, что такое «безбожная сущность», но Сивилла определенно знала, о чем говорит. Ведь она этому училась.

– И что плохого в безбожной сущности? Иногда только они говорят правду.

– Мне кажется, тебе лучше уйти, – сказала Сивилла.

Последовала напряженная пауза, пока Бен осмысливал слова Сивиллы.

– Ты хочешь, чтобы я... *ушел*?

– Она выразилась ясно и четко, – резко ответил *Гермес*.

– Но...

– Ты, видимо, забыл дорогу до двери, – добавил Гермес. – Пойдем, я покажу тебе, где выход.

– Сивилла... – взмолился Бен, но в следующий миг пропал. Все взгляды обратились на Гермеса.

– Это не я, – произнес бог.

Тогда все посмотрели на Аида, но он продолжал молчать, и хотя никто ничего не спросил, Персефоне стало любопытно, куда он отправил смертного.

– Думаю, нам всем уже пора, – сказала Персефона, хотя на самом деле ей просто хотелось остаться наедине с Аидом, чтобы задать вопросы. – Погода будет только ухудшаться.

Все с ней согласились.

– Аид, мне бы хотелось убедиться, что Елена, Левка и Зофи доберутся домой в целости и сохранности.

Он кивнул:

– Я вызову Антония.

Пока девушки надевали верхнюю одежду, Персефона отвела Сивиллу в сторону:

– Ты в порядке? Бен...

– Идиот, – закончила она. – Мне так стыдно, что он обидел тебя и остальных.

– Не переживай. Но то, как он себя ведет... я уверена, он навлечет на себя гнев кого-то из богов.

Антоний не заставил себя долго ждать. Циклоп подъехал на длинном лимузине, и они по очереди уселись в него: Аид с Персефой на одной стороне, Левка, Зофи и Елена – напротив.

– Кого-нибудь еще взбесил этот Бен? – уточнила Левка.

– Сивилле следовало бы положить меч под кровать на случай, если он вернется, – ответила Зофи.

– Или она могла бы просто запереть дверь, – предположила Елена.

– Замки можно вскрыть, – возразила Зофи. – Меч надежнее.

После этого в салоне лимузина воцарилось молчание, нарушаемое лишь стуком льда в окна.

Первыми они высадили Левку и Зофи. Как только они вышли из автомобиля, тьма будто поглотила Елену, чья хрупкая фигурка потерялась в меху ее пальто. Она смотрела в ночь, и на ее прекрасное лицо то и дело бросали отблески уличные фонари.

Спустя несколько мгновений она заговорила:

– Как думаете, Бен прав? Это все дело рук богов?

Персефона напряглась и взглянула на смертную, чьи глаза теперь были направлены на Аида – большие и невинные. Было странно слышать этот вопрос без сочащегося из слов яда.

– Это мы скоро узнаем, – ответил Аид.

Лимузин остановился, и Антоний распахнул дверь. Холодный воздух наполнил салон. Персефона поежилась, и Аид обнял ее крепче.

– Спасибо, что подвезли, – поблагодарила Елена и вышла.

Когда они снова оказались на дороге, Персефона заговорила:

– Она действительно думает, что буря заставит нас расстаться?

То, как заиграли желваки Аида, сказало ей все, что ей нужно было знать: «Да».

– Ты когда-нибудь раньше видела снег, Персефона? – поинтересовался Аид, и ей не понравился тон его голоса.

Она замешкалась:

– Только издали.

На вершинах гор. Но с тех пор, как переехала в Новые Афины, – никогда.

Аид сверкнул глазами. Выражение его лица было зловещим и свирепым.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила она.

Бог опустил взгляд, и ресницы отбросили тень ему на щеки.

– Она будет делать это до тех пор, пока у других богов не останется другого выбора, кроме как вмешаться.

– И что случится потом?

Аид не ответил, и Персефона не стала настаивать на продолжении разговора, потому что, по правде говоря, слишком боялась и, кажется, уже знала ответ.

Война.

Глава V

Прикосновение древней магии

– Антоний, – произнес Аид вскоре после того, как они высадили Елену. – Пожалуйста, проследи за тем, чтобы леди Персефона в безопасности вернулась в «Неночь».

– Что?

Она едва успела произнести это слово, прежде чем Аид обхватил ее затылок и поцеловал. Он приоткрыл ее губы своими и проник языком внутрь. Низ ее живота напрягся от предвкушения, а мысли обратились от гнева матери к обещанию, что Аид дал в ванной Сивиллы. Она все еще ощущала боль от их незавершенного воссоединения и отчаянно желала потерять себя в нем сегодняшней ночью. Но вместо того чтобы принести ей облегчение, он отстранился, оставив ее губы ноющими и распухшими.

«Еще, Аид. Сейчас же», – хотелось ей закричать, потому что все ее тело разрывалось от желания.

И он это знал.

– Не печалься, моя дорогая. Сегодня ночью ты кончишь для меня.

Антоний прокашлялся и, похоже, тем самым пытался скрыть смех.

В следующую же секунду магия Аида всколыхнулась, оставив на память аромат пряностей и пепла, и он исчез.

Персефона шумно выдохнула, а потом встретила взглядом с Антонием в зеркале заднего вида:

– Куда он отправился?

– Я не знаю, миледи, – ответил он, но она услышала, о чем он умолчал: «Даже если бы я знал, мне было велено доставить вас домой».

Персефона вдруг осознала, о чем спросит Гекату на их следующем занятии: как последовать за кем-то, когда он переносится.

Антоний высадил Персефону у входа в «Неночь». Несмотря на ужасный холод и потоки льда, падающие с неба, смертные по-прежнему стояли в очереди, отчаянно не желая упустить свой шанс увидеть одиозный клуб Аида изнутри. Когда она открыла дверь машины, ее встретил Меконнен – огр и один из Аидовых вышибал. Он раскрыл над ее головой зонтик и проводил до входа в клуб.

– Добрый вечер, Персефона, – поздоровался он.

Она улыбнулась:

– Здравствуй, Меконнен. Как у тебя дела?

– Отлично, – ответил он.

Богиня испытала облегчение от того, что он не стал комментировать погоду. Меконнен придержал перед ней дверь, и она вошла в клуб. Персефона спустилась по лестнице к танцполу, где толпились смертные и бессмертные. Она не всегда ходила через зал, предпочитая перенестись сразу, как только окажется внутри, но все больше старалась примириться с той властью, что принесла ей помолвка с Аидом.

А это значило, что этот клуб теперь принадлежит и ей.

Иногда она жалела, что не может пройти сквозь толпу невидимой, как Аид, наблюдая и слушая, без каких-либо помех, но богиня не думала, что эта сила окажется в числе ее способностей.

Персефона пересекла первый этаж «Неночи», миновав заполненные лаунж-зоны, бар с задней подсветкой, танцпол в углублении, где под красным светом лазера мелькали, пульсируя, тела. Она знала, что за ней наблюдают. Пусть они и не глазели открыто, но перешептывались, и, даже не зная, о чем они говорят, она догадывалась – здесь не было недостатка в слухах, в

экспертах по языку тела, анализирующих каждое ее движение, в «близких друзьях», в подробностях рассказывающих о ее жизни в подземном царстве, о борьбе с горем, о планировании свадьбы. И хотя во всех этих разговорах была лишь ниточка правды, именно через них мир формировал о ней свое мнение.

Персефона знала, что слова одновременно объединяли и порождали вражду, но всегда считала, что будет стоять за сенсационной журналистикой, а не наоборот.

Сейчас она просто была благодарна, что к ней никто не подошел. Не то чтобы богиня всегда была против, но сегодня она доверяла людям еще меньше, чем обычно. Отчасти это было связано с утренним происшествием в кафе. И все же она знала, что одна из причин, почему люди держатся от нее на расстоянии, – это то, что ее охраняли. Адриан и Эцио, двое огов Аида, нанятых в качестве вышибал и охранников, прикрывали ее, следуя на расстоянии. Если к Персефоне кто-нибудь приближался, они сразу устремлялись к ней.

Хотя иногда даже они были не способны отпугнуть отчаявшихся смертных.

– Персефона! – позвал женский голос, едва слышимый из-за гула толпы. Персефона уже привыкла к тому, что люди выкрикивали ее имя, и все лучше справлялась с тем, чтобы не позволять им прерывать ее шаг, но женщина протолкнулась через людей и преградила богине путь, когда та дошла до лестницы.

– Персефона! – повторила ее имя темноволосая женщина, задыхаясь после погони. На ней было розовое платье, ее грудь тяжело вздымалась. Она протянула к ней руку. Персефона дернулась назад, и между ней и смертной женщиной вдруг возникли Адриан с Эцио.

– Персефона! – снова произнесла незнакомка. – Пожалуйста. Умоляю вас! Выслушайте меня!

– Пойдемте, миледи, – произнес Адриан, пока Эцио продолжал сохранять барьер между ней и женщиной.

– Одну минут, Адриан, – ответила она и положила ладонь на руку Эцио, вставая рядом с ним. – Вы просите моей помощи? – спросила она у женщины.

– Да! О Персефона...

– Она будущая жена и царица лорда Аида, – вмешался Адриан. – Вам следует обращаться к ней соответствующе.

Женщина распахнула глаза. Еще не так давно Персефона бы поморщилась, услышав слова огра, но теперь все реже и реже просила остальных называть ее по имени.

– О, простите, простите!

Персефона уже теряла терпение:

– Какова бы ни была ваша проблема, она, видимо, не так уж и важна, учитывая, что вы никак не можете перейти к сути.

Боги, она начала говорить, как Аид.

– Пожалуйста, миледи, молю вас. Я хочу заключить сделку с Аидом. Вы должны попросить его немедленно встретиться со мной.

Персефона стиснула зубы. Так женщина просила о помощи не ее саму – она хотела, чтобы Персефона попросила Аида. Богиня наклонила голову и прищурила глаза, пытаясь сдержать свой гнев.

– Возможно, я сама смогу вам помочь, – сказала богиня.

Женщина рассмеялась, словно ее предложение было бредовым. Честно говоря, такая реакция ее задела. Она понимала: смертная не знает, что Персефона богиня, но это еще раз напомнило ей о цене божественности.

Персефона поджала губы:

– Отказ от моей помощи – фактически отказ от помощи Аида.

Она снова зашагала вверх по лестнице, и женщина попыталась подскокить к ней, но Эцио расставил между ними руки, не дав незнакомке коснуться Персефоны.

– Пожалуйста, подождите, – в голосе женщине зазвучало отчаяние. – Я не хотела вас оскорбить. Просто... чем же вы мне можете помочь? Вы же смертная.

Персефона замерла, обернувшись к женщине:

– Если то, о чем вы просите, требует помощи бога, вам и вовсе не стоит об этом просить.

– Вам легко говорить, – со злостью возразила женщина. – Вы-то можете о чем угодно просить своего любовника-бога.

Персефона пронзила ее гневным взглядом. Эта женщина была такой же, как те, кто писал статьи и шептался о ней. Она создала собственную историю о жизни Персефоны. Она не знала, как богине пришлось умолять Аида о помощи, как он ей отказал, как она все испортила и заключила сделку с Аполлоном, когда стоило прекратить вмешиваться.

Она подняла взгляд на Эцио.

– Выведите ее отсюда, – сказала Персефона и продолжила свой путь с Адрианом.

– Подождите! Нет! Пожалуйста!

Мольбы женщины разрывали воздух в клубе подобно фейерверкам, и гудение толпы постепенно смолкло, пока они наблюдали, как Эцио вытаскивает женщину из клуба. Персефона проигнорировала внимание к себе, направившись в офис Аида. К тому времени, как она оказалась за позолоченными дверями, ее охватила досада. По боли в предплечье богиня поняла, что магия пыталась проявить себя физически – обычно в виде стеблей, листьев или цветов, прораставших из-под ее кожи.

Смертная пробудила в ней магию.

Богиня сделала вдох, чтобы подавить гнев, и болезненное покалывание постепенно сошло на нет.

«А каково все же мнение мира?»

Ее горькая мысль быстро переросла в нечто гораздо более болезненное, когда она осознала, почему так разозлилась. Женщина намеренно сказала ей, что Персефона не может предложить ничего ценного, кроме своей связи с Аидом.

Персефона и раньше боролась с ощущением, что она всего лишь предмет – то, чем владеет Аид. В статьях, где центральное место занимали их отношения, зачастую даже не называлось ее имя. Она была лишь «любовницей Аида» или просто «смертной».

Что нужно, чтобы верхний мир увидел в ней то же, что и подземное царство? Чтобы она стала равной Аиду.

Персефона вздохнула и перенеслась в рошу Гекаты, где обнаружила богиню борющейся с крошечным пушистым черным щенком, зубами вцепившимся в подол ее малиновой накидки.

– Нефели! Сейчас жепусти меня! – крикнула Геката.

Щенок зарычал и потянул еще сильнее.

Персефона захихикала, тут же забыв про свою досаду. До чего же забавно наблюдать, как богиня колдовства хватается за свои юбки в попытке высвободиться из хватки маленького хрупкого существа.

– Персефона, ну не стой же! Спаси меня от этого... чудовища!

– Ох, Геката. – Персефона наклонилась к маленькому меховому шарiku: – Какое же она чудовище?

Богиня весны подняла Нефели. У той были маленькие ушки, острый носик и выразительные – почти человеческие – глаза.

– Она злодейка! – Геката осмотрела свое платье – подол был усеян мелкими дырочками. Она уперлась руками в бедра и прищурилась: – И это после всего того, что я для нее сделала.

– Где ты ее нашла? – поинтересовалась Персефона.

– Я... – Геката замешкалась и опустила руки. – Я... ну... я сама ее создала.

Персефона сдвинула брови и уложила щенка на изгиб руки.

– Ты... ее *создала*?

– Все не так плохо, как звучит, – заметила Геката.

Но она не стала ничего объяснять, и тогда Персефона продолжила:

– Геката, пожалуйста, только не говори, что она была человеком.

Это было уже не впервые. Геката превратила в хорька ведьму по имени Гейл, которую теперь держала у себя в подземном царстве в качестве домашнего питомца.

– Ладно, тогда не буду, – ответила та.

– Геката, – пожурила Персефона. – Но почему? Потому что она тебя раздражала?

– Нет, нет, нет. Хотя... это спорный вопрос. Я превратила ее в собаку из-за ее горя.

– Из-за горя?

– Она выжила из ума, и я решила, что лучше ей быть собакой, чем потерявшей себя смертной.

Персефона открыла рот и тут же закрыла.

– Геката, нельзя превращать кого-то в собаку без его разрешения. Неудивительно, что она набросилась на твои юбки.

Богиня скрестила руки на груди:

– Она мне разрешила. Она смотрела на меня с земли и умоляла избавить ее от боли.

– Я уверена, она не имела в виду, что ты должна превратить ее в собаку.

Геката пожала плечами:

– Урок для всех смертных – когда умоляешь бога о помощи, выражайся яснее.

Персефона бросила на нее многозначительный взгляд.

– Кроме того, мне нужен новый грим.

– Грим?

– О да, – она ответила дьявольской усмешкой. – Это древняя традиция, которой я положила начало много веков назад. Прежде чем забрать жизнь смертного, я посылаю грима, что будет мучить его на протяжении нескольких недель – до самой его смерти.

– Но... откуда у тебя способность забирать жизнь, Геката?

– Я назначена их Судьбой, – пояснила она.

Персефона поежилась. Ей еще не доводилось стать свидетелем отмщения богини, но она знала, что Гекату называют леди Тартара из-за ее оригинального подхода к наказаниям, обычно включающим яд. Персефона могла лишь представить ад, через который проходил каждый смертный, причиной смерти которого становилась Геката.

– Но хватит уже обо мне да об этой дворняжке. Ты пришла навестить меня?

Вопрос Гекаты вызвал улыбку на лице Персефоны, когда та вспомнила причину, по которой искала богиню. Несмотря на свою прежнюю досаду, теперь она чувствовала больше разочарование, чем гнев.

– Я просто... подумала, не позаниматься ли нам?

Геката прищурила глаза:

– Может, я и не Аид, но я знаю, когда ты говоришь неправду. Так что давай – выкладывай.

Вздыхнув, Персефона рассказала Гекате о женщине в клубе. Выслушав ее, богиня спросила:

– Что, по твоему мнению, ты могла предложить той женщине?

Персефона замешкалась.

– Я... не знаю, – призналась она. Она даже не знала, чего хотела та женщина – хотя догадывалась. Персефона довольно быстро осознала, что смертные редко просили о чем-то, кроме времени, здоровья, богатства и любви. Ничего из этого Персефона дать не могла, даже как богиня весны и тем более как богиня, которая только пыталась овладеть своими силами.

– Я вижу, куда ведут твои мысли, – сказала Геката. – Я не хотела заставить тебя почувствовать себя бессильной, но тем не менее ты ответила на мой вопрос.

Глаза Персефоны распахнулись:

– Каким образом?

– Ты думаешь, как смертная. «Что я вообще могу предложить?»

– А что я могу предложить, Геката? Увядшую розу? Солнце в холодный день?

– Ты насмехаешься над собой, а тем временем твоя мать терроризирует верхний мир снегом и льдом. Солнце – это именно то, что нужно миру смертных.

Персефона нахмурилась. Идея попытаться противостоять магии ее матери казалась ей безумной. И снова Геката ее остановила:

– И это говорит та, что использовала против Аида его же магию.

Персефона прищурилась:

– Геката, ты все это время скрывала, что можешь читать мои мысли?

– «Скрывать» – значит намеренно вводить в заблуждение, – пожала плечами Геката.

Персефона приподняла бровь.

– Но да, конечно же, я могу читать мысли, – ответила она, а потом, словно это все обьяснило, добавила: – Я богиня и ведьма.

– *Отлично*, – Персефона закатила глаза.

– Не переживай. Я привыкла отключать эту способность, особенно когда ты думаешь об Аиде.

Богиня сморщила нос, и Персефона застонала.

– Я говорю это к тому, Персефона, что придет время, когда тебе больше не понадобятся эти переодевания в смертную.

Персефона скривила губы, но она и сама уже начинала задаваться вопросом, как долго сможет продолжать этот спектакль, особенно с учетом магии ее матери, разбушевавшейся в верхнем мире.

– Похвально, что ты хотела стать известной благодаря своей работе. Но ты нечто большее, чем просто Персефона-журналистка. Ты Персефона, богиня весны, будущая царица подземного царства. Ты способна предложить миру намного больше, чем просто слова.

Ей на ум пришли слова Лексы о том, что значит быть богиней: «Ты всегда готова бороться за то, во что веришь, но прежде всего ты борешься за людей».

Персефона глубоко вздохнула:

– И что же мне делать? Объявить миру о своей божественности?

– Ох, моя милая, не беспокойся о том, как о тебе узнает мир.

Персефона поежилась – в глубине души ей одновременно хотелось и не хотелось узнать, что имела в виду Геката.

– Идем, ты же хотела позаниматься.

Богиня уселась на траву и похлопала по земле рядом с собой. Персефона вздохнула, зная, что Геката собирается провести медитацию. Ей не нравилось медитировать, но так она училась вызывать свою магию, и хотя с каждым разом у нее получалось все лучше, наибольшего успеха ей удавалось достичь благодаря советам Аида.

Она заняла место рядом с Гекатой и отпустила Нефели погулять по лугу. Геката начала, попросив Персефону закрыть глаза. Она обьясняла, как та должна представить свою магию – в виде колодца или пруда, из которого она в любой момент может зачерпнуть воды.

– Представь пруд – сверкающий, прохладный.

Проблема заключалась в том, что Персефона совершенно иначе видела свою магию – это была тьма, это была тень. Не прохладная, а огненная. Не спокойная, а яростная. Она так долго сидела взаперти, что одичала от свободы. Поднимаясь на поверхность, она пробивала, прогрызала себе путь, вызывая кровотечение. Она была полной противоположностью покоя – противоположностью медитации.

Сидя с закрытыми глазами, Персефона чувствовала шевеление магии вокруг – то была магия Гекаты – тяжелой и древней силы, испускавшей аромат хорошего вина, выдержанного и

терпкого, и внушавшей ужас. Богиня весны резко распахнула глаза и увидела, что маленький пушистый щенок превратился в огромного адского пса. Собака теперь была не милым комочком меха, а свирепым чудовищем, глаза ее сверкали красным огнем, а зубы стали длинными и острыми. Она приоткрыла челюсти, с которых капала слюна, демонстрируя ее голод.

Нефели зарычала, и взгляд Персефоны тут же перескочил на Гекату, что зависла над своим новым гримом.

– Геката... – в высоком голосе Персефоны звучали предупреждающие нотки.

– Да, миледи?

– Не называй меня так! – рявкнула она. – Что ты делаешь?

– Занимаюсь с тобой.

– Это не занятие!

– Еще какое. Ты должна быть готова к неожиданностям. Не все является тем, чем кажется, Персефона.

– Это я уже поняла. Твоя собака вовсе не милашка.

Нефели зарычала, и от этого звука кровь стыла в жилах. Она двинулась на Персефону, словно хищник, загоняющий свою добычу, пригвоздив ее к земле.

– Она тебя оскорбила, моя радость? – спросила Геката поддразнивающим тоном.

Персефона бросила на богиню гневный взгляд за то, что та подбадривала собаку, которую только недавно хулила.

– Хочешь ее усмирить? Используй свою магию.

У Персефоны округлились глаза. Какую магию ей использовать, чтобы отозвать собаку?

– *Геката...*

Богиня вздохнула.

– Нефели!

Услышав звук своего имени, произнесенного Гекатой, собака поджала уши, и на короткий миг Персефоне показалось, что та собирается отозвать собаку.

Но вместо этого богиня колдовства крикнула:

– *Фас!*

Персефона широко распахнула глаза и в следующее же мгновение переместилась, приземлившись на траву возле Алеонийского океана. Она бывала там лишь однажды – в ту ночь, когда ушла из дворца Аида, чтобы прогуляться, и заблудилась. Богиня приподнялась на четвереньках, осознав, что оказалась в дюйме от падения со скалы. Дрожа всем телом, она села на траве, подтянув колени к груди. И сидела так довольно долго, позволив соленому ветру высушить слезы, что текли по ее щекам, и проигрывая в голове события на лугу.

Перемещение показалось ей единственным выходом, когда Геката начала отдавать приказы, и хотя сейчас она была в безопасности, у нее появилось ощущение, что она потерпела неудачу. Персефона не винила Гекату. Она знала, что та пыталась ее обучить. Ей нужно думать быстрее. Ей стоило насторожиться сразу, как только она почувствовала себя окруженной магией Гекаты. Но вместо этого она слишком расслабилась – настолько, что не воспринимала всерьез ее наставления.

Во второй раз она не совершит ту же ошибку, – потому что, очевидно, второго шанса у нее просто не будет.

Глава VI

Угроза

Персефона шагала по спальне вперед и назад.

Аид до сих пор не вернулся после того, как оставил ее в лимузине. И хотя ее пока не особо беспокоило его отсутствие, богиня нервничала из-за того, что ей придется спать без него. Каждый раз, стоило лишь ей увидеть их постель, ее охватывал ужас. По крайней мере, когда Аид был здесь, он охранял ее сон и будил во время кошмаров, если в них снова объявлялся Пирифой.

Богиня остановилась перед камином, и ее взгляд упал на графин с Аидовым виски. Она с любопытством приподняла его, всматриваясь в янтарную жидкость. Та поблескивала под стеклом, словно золотистый топаз. Однажды Персефона спросила Аида, почему тот предпочитает именно виски.

– Он полезен для здоровья, – ответил бог.

Она фыркнула.

– Это правда, – возразил он. – Он помогает мне успокоиться.

– Но ты же пьешь его постоянно, – заметила она.

Он пожал плечами:

– Мне нравится постоянно чувствовать себя расслабленным.

Если этот напиток помогал Аиду расслабиться, может, он поможет и ей.

Персефона вытатила пробку и отпила из бутылки. Виски оказался удивительно... сладким. С оттенками ванили и карамели – двух ингредиентов, которые были давно ей знакомы. Она сделала еще глоток, на этот раз ощутив пряный вкус, напоминавший запах Аида. Ей понравилось. Прижав бутылку к груди, она вышла из спальни и пошла на кухню. Там она включила свет, который показался ей слишком ярким после прогулки по темным коридорам дворца.

Кухня Милана становилась для нее все более знакомой, и, к ее удивлению, повар был рад разделить с ней это пространство – по большей части потому, что Персефона могла научить его современным рецептам. Он с особенным рвением изучал приготовление тортов.

– Знаешь, – однажды сказала Персефона, показывая ему, как декорировать сахарное печенье. – Я уверена, что в Асфоделе живет множество знаменитых поваров. Ты никогда не думал о том, чтобы привести их на свою кухню?

– У меня не было на то причин, – ответил Милан. – Милорд – человек привычки. Он ест одно и то же целую вечность – без желания разнообразить вкусы или ароматы.

Это было так похоже на Аида.

– Я уверена, он будет не против попробовать несколько новых блюд.

– Если предложение поступит из ваших уст, я не сомневаюсь, что он преклонится перед вашей волей.

Милан не ошибался. Персефона уже начинала осознавать, каким влиянием обладала. Ради нее Аид был готов пойти на что угодно.

Спать ради нее весь мир.

Эти слова заставили ее содрогнуться, отозвавшись своей правдивостью глубоко внутри. И она спросила себя: пока снег и лед продолжает покрывать землю наверху, сдержит ли Аид свое слово?

Персефона вздохнула и сосредоточилась на своей задаче. Она решила, что кроме виски ей нужны шоколадные пирожные. Так что богиня принялась за работу, доставая ингредиенты, миски и мерные стаканы. Она растопила масло и смешала его с сахаром. Взбивание яиц доставляло ей особое удовольствие, и это было хорошо, потому что она не хотела, чтобы ее отчаяние отразилось на тесте – перестаравшись, она бы не получила нужной текстуры пирожных. После

яиц она добавила ваниль, муку и какао-порошок. Когда смесь была готова, она вылила ее на противень и разровняла ее ложкой, а потом слизнула с нее тесто, чтобы попробовать.

– Ммм, – вздохнула она, ощутив на языке тепло и сладость.

– Вкусно? – голос Аида раздался даже раньше, чем он сам появился позади нее. Персефона повернула к нему голову – и сразу ощутила его дыхание на своей щеке.

– Божественно.

Она развернулась к нему и пальцем собрала с ложки тесто.

– Попробуй, – прошептала она, поднеся пальцы к его губам.

Ей не пришлось его уговаривать – Аид скользнул языком по ее пальцу и слизал остатки теста. Отпустив ее, бог издал грудной стон, а потом произнес низким голосом:

– Восхитительно. Но я уже пробовал божественный вкус, и для меня нет ничего слаще.

От его слов у нее внутри все напряглось, и пространство между ними будто уменьшилось. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, едва сдерживаясь от разгорающегося пламени между ними, пока Персефона не отвернулась, чтобы вернуть ложку в миску.

– Где ты был? – спросила она, поднимая противень с пирожными и ставя его в духовку. Ее лицо обдало жаром, когда она открыла дверцу.

– У меня были дела, – уклончиво, как и всегда, ответил Аид.

Персефона хлопнула дверцей духовки и повернулась к нему:

– Дела? В такой час?

Она не знала точно, который сейчас час, но наверняка было раннее утро.

Бог ответил ей сулящей опасность улыбкой и наклонил голову набок:

– Я заключаю сделки с чудовищами, Персефона. – Он взглянул на миску на столе: – А ты, по всей видимости, что-то печешь.

Богиня нахмурилась.

– Не можешь уснуть? – спросил он.

– Я даже не пыталась.

На этот раз пришел черед Аида свести брови, а потом он переместил взгляд:

– Это мой виски?

Персефона проследила за его взглядом до стола, на котором она оставила хрустальный графин.

– Был, – ответила она.

Ладонь Аида легла ей на подбородок и заставила повернуться к нему лицом. Он прижался к ее губам своими – сначала легким поцелуем, потом более глубоким – и придвинулся ближе, чтобы сократить расстояние между ними.

– Как же я тебя хочу, – выдохнул он, скользя руками по ее телу. Одна его ладонь обхватила ее ягодицу, а другая сжала шелк ее халата, чтобы сквозь ткань коснуться ее влажного лона. Персефона застонала, вцепившись пальцами в его рубашку, в то время как внизу ее живота разгорался огонь. Каждая частичка ее тела стала чувствительной и ныла в ожидании его прикосновений.

Аид прервал поцелуй, и Персефона зашипела, когда он прижался к ее теплому телу своим набухшим членом.

– Давай поиграем, – предложил он.

– Я уже наигралась за этот вечер, – едва дыша, ответила богиня.

– Всего одну игру. – Бог поцеловал ее в щеку и потянулся к покрытой тестом ложке, которую она бросила в миску.

Она нахмурила брови, с любопытством наблюдая за ним.

– Я никогда не... – Он провел задней стороной ложки по ее груди. Тесто было холодным, и она поежилась.

– Аид...

– Тсс, – он усмехнулся и провел ложкой по ее губам. Она попыталась слизнуть тесто. –
Замри.

Персефона застыла, глядя в его пылающие глаза.

– Это для меня.

Она тяжело сглотнула.

– Я никогда не хотел никого, кроме тебя.

– Никогда? Даже до того, как узнал о моем существовании? – недоверчиво спросила она.

– Да. – Он облизнул ее губы, прежде чем раскрыть их. Его поцелуй был на вкус как сливочная помадка и виски, а еще от него пахло пряностями – с нотами гвоздики, герани и дерева. Его губы скользнули с ее распухших губ к подбородку. – До тебя мне было знакомо лишь одиночество, даже в залах, полных людей, – лишь боль, острая, холодная и постоянная, и я отчаянно желал заполнить эту пустоту.

– А теперь? – выдохнула она.

Аид хохотнул:

– А теперь я горю желанием заполнить тебя.

Его язык спустился ниже – он слизнул тесто с ее кожи, и его ладони легли на ее грудь, пальцами дразня соски сквозь ткань ночной сорочки. Персефона охнула, и ее пальцы нащупали пуговицы на его рубашке. Но у Аида были другие планы – он поднял ее и усадил на край барной стойки, а сам устроился у нее между ног. Он был так близко, что она не могла продолжить его раздевать.

– Расскажи мне, что произошло сегодня вечером. – Он провел ладонями по внутренней стороне ее бедер, дразня прикосновениями. Богиня чувствовала себя такой неуютно пустой.

– Я не хочу говорить о сегодняшнем вечере, – ответила она, потянувшись к его запястью, чтобы направить его внутрь себя.

– Зато я хочу. – Он продолжил обводить круги, от чего у богини по спине пробежала восхитительная дрожь, подобная легкому электрическому разряду. – Ты была расстроена.

– Я чувствую себя... душой.

– Это не так. – Его палец скользнул внутрь. Рука Аида не позволила ей запрокинуть голову назад, заставив ее посмотреть ему в глаза. – Расскажи мне.

– Я заревновала, – выдавила она сквозь стиснутые зубы, разрываемая ужасным чувством – таким же сильным, каким было удовольствие, что он ей доставлял. – Что у тебя было столько всего со столькими женщинами до меня. Я знаю, что ты ничего не можешь с этим поделать, что ты живешь уже так давно... но я...

Персефона не договорила, отдавшись ощущениям – волна удовольствия накрыла ее, лишив дара речи. Ей едва удавалось дышать, и Аид усиливал эти чувства, по спирали погружая пальцы еще глубже, а большим пальцем слегка поглаживая клитор.

– Я предпочел бы, чтобы ты была со мной с самого начала, – голос Аида звучал низко, дразняще, чувственно. – Но мойры жестоки.

– Я стала твоим наказанием, – ответила она.

– Нет, ты удовольствие. Мое удовольствие.

Он снова поцеловал ее в губы, продолжая ласкать ее пальцами, и их дыхание перемешалось, становясь все быстрее, пока Аид не прижал ладонь к ее груди и не уложил богиню на спину.

Он посмотрел на нее сверху вниз:

– Сейчас и всегда.

Наклонившись, он раздвинул ее ноги еще шире и прикоснулся языком к ее ноющей сердцевине. Персефона выгнулась дугой на гранитной стойке. Его пальцы и язык задвигались быстрее, приближая ее оргазм с каждым томным стоном, но прежде чем она успела кончить, Аид остановился, выпрямился и спустил ее с барной стойки.

– Что ты делаешь? – спросила она, когда ее ноги коснулись пола. В его взгляде промелькнуло что-то темное, одновременно эротичное и жестокое, и Персефоне захотелось бросить этому вызов, воплотить в жизнь.

– Когда я закончу, в следующий раз, играя в эту чертову игру, ты так напьешься, что мне придется нести тебя домой на руках.

– И что? Ты намереваешься отыметь меня всеми теми способами, которыми не имел до этого вечера?

Бог рассмеялся:

– Вообще-то уже утро.

– И мне скоро на работу.

– Какая жалость. – Он развернул ее к себе спиной, положил ладонь ей на шею и подтолкнул вперед, пока ее лицо не коснулось гранитной столешницы. Коленом развел ее ноги в стороны и вошел сзади, погрузившись глубоко внутрь. Ладонь, что лежала у нее на шее, скользнула к ее рту. Она обхватила губами его пальцы, ощутив на его коже вкус собственной влаги.

Персефона ухватила за края стойки, чувствуя толчки Аида. Но, едва начав, он вдруг вновь спустил ее со стойки. Стон вырвался у нее из груди, когда его член задвигался по другому, более чувствительному месту, а сама богиня спиной прижалась к его груди.

– Я не забыл про твое заявление, – прохрипел он ей в ухо. Он имел в виду заявление Персефоны о том, что она имитировала оргазм.

– Я солгала, – простонала она, заерзав перед ним, но Аид не сдвинулся ни на миллиметр.

– Я знаю. – Его зубы коснулись ее плеча. – И собираюсь отбить у тебя охоту лгать об этом. Я отымею тебя так, что ты будешь просить о пощаде – снова и снова, так что, когда ты, наконец, кончишь, не сможешь вспомнить даже собственное имя.

Обещание в его голосе привело ее в восторг.

– Ты думаешь, что сможешь остановиться? – спросила она. – Лишить себя удовольствия от моего оргазма?

Аид усмехнулся:

– Если это значит услышать, как ты умоляешь меня, дорогая, то да.

Бог запрокинул ей голову и прижался к ее губам жадным поцелуем. Он переплел свой язык с ее языком, раскрыв ее рот так широко, что у нее заныла челюсть. Персефона не могла даже поцеловать его в ответ. Он отпустил ее лишь для того, чтобы повернуть, приподнять ей ногу и снова войти. Этот угол позволил ему остаться достаточно близко, и он снова накрыл ее губы своими в таком властном поцелуе, что она не могла сделать вдох. Потом Аид оторвался от ее губ только для того, чтобы покрыть ее шею поцелуями и легкими покусываниями, – он намеренно оставлял синяки на ее чувствительной коже. Когда богиня устала сдерживаться, он прижал ее к стене, погружаясь в нее все мощнее и быстрее.

Она смотрела ему в лицо диким расфокусированным взглядом, – кожа Аида покрылась капельками пота, – потом единственным, на чем она могла сосредоточиться, было ощущение его тела и удовольствия, которое он ей доставлял.

– Я люблю тебя, – произнес он. – И всегда любил только тебя.

– Я знаю, – прошептала она.

– Правда? – спросил он сквозь зубы, но не от гнева – его напряжение достигло пика, вены на шее вздулись, лицо покраснело.

– Я знаю, – ответила она. – Я люблю тебя. Я просто хочу все – хочу больше, хочу всего тебя.

– И у тебя это есть, – пообещал он и снова поцеловал ее. Их тела стали скользкими и липкими. Одна его ладонь уперлась в стену позади нее, а вторая так сильно сжала ее ягодицу, что непременно должна была оставить синяки. Грудь Персефоны словно стянуло от воздуха, что она не могла выдохнуть.

Аид вдруг, выругавшись, оторвался от богини, прикусив зубами ее губы. Из ее груди вырвался стон отчаяния. Он и правда собирался подвергнуть ее пыткам. Но потом он полностью отстранился, поставил ее на ноги и поправил их одежду. В следующее мгновение на кухне появился Гермес.

И Персефона вдруг осознала, к чему была эта спешка со стороны Аида.

Бог хитрости помешал им уже во второй раз. Выражение лица Аида было убийственным, но один взгляд на Гермеса заставил их досаду умолкнуть. Золотой бог был бледен и охвачен ужасом.

– Аид, Персефона, Афродита просит вашего присутствия. Прямо сейчас.

Первой мыслью Персефоны было то, что это как-то связано с Адонисом. Но почему Гермес выглядит таким обеспокоенным? Что-то не сходилось.

– В такой час? – Рука Аида обхватила Персефону еще крепче.

– Аид, – ответил Гермес с лицом цвета пепла. – Все... плохо.

– Где?

– У нее дома.

Вопросов больше не было – только запах морозного зимнего воздуха и пепла, когда они перенеслись.

Глава VII

Прикосновение ужаса

Они оказались в огромной комнате, – Персефона решила, что это кабинет. Свет был приглушен, придавая стенам темно-синий оттенок. Рядом с книжными стеллажами каштанового оттенка, заставленными томами в кожаных обложках, стоял стол того же цвета. На стене, в широких рамках из античного золота висели картины с обнаженными нимфами, крылатыми херувимами и любовниками под деревьями. Вся противоположная стена представляла собой панорамное окно, открывая их морозной ночи.

Интерьер был совсем не Афродитовским – никаких плюшевых ковриков, хрусталя и жемчуга, – и на мгновение Персефоне показалось, что они оказались не там, где нужно. Но вскоре ее взгляд упал на богиню любви, сидевшую на краю кушетки в центре комнаты. На ней была ночная сорочка из светло-голубого шелка и широкий халат. Она склонилась над женщиной, что лежала, укрытая, рядом с ней.

Персефоне она была незнакома, но чертами лица походила на Афродиту – изгибом губ, надбровными дугами, линией носа. Она была бледна и вся покрыта синяками. Руки, скрещенные на животе, были все в крови – со сломанными ногтями и рваными ранами.

Но зрелищем, от которого у Персефоны кровь застыла в венах, стали рога богини. Из-под спутанных и покрытых грязью волос цвета меда торчали две изуродованные оголенные кости. Рядом с богиней свернулась клубочком дрожащая маленькая собачка с перепачканной белой шерстью.

Это было совсем не то, чего ожидала Персефона. Эта богиня боролась за свою жизнь, и если бы Персефона не имела способности чувствовать жизнь, то подумала бы, что богиня мертва, – настолько слабым было ее дыхание.

– О боги, – Персефона поднесла ладони ко рту, ощутив, как к горлу подкатила тошнота. Она подбежала к ним и опустилась на колени, взяв Афродиту за руку.

Богиня любви взглянула на Персефону, – ее глаза были красны, а лицо покрыто пятнами. Было почти невыносимо видеть ее такой эмоциональной. Афродита обычно изо всех сил старалась подавить свои чувства, по большей части выражая лишь гнев. И если через ее равнодушное выражение лица начинали пробиваться эмоции, она закрывалась. Но это – это разрушило ее защиту. Кем бы ни была эта богиня, она была важна для Афродиты.

– Что произошло? – спросил Аид, наполнив комнату темным напряжением, которое будто стянуло ее легкие и лишило возможности дышать. В его голосе прозвучали ноты жестокости, от чего по спине у Персефоны побежали мурашки.

– Мы не знаем наверняка, – ответил чей-то голос, напугав Персефону. Она поняла, что Аид говорил не с Афродитой или Гермесом, а с кем-то еще – с мужчиной, что маячил в углу рядом с дверью. Он словно стоял наготове, чтобы при необходимости быстро выскочить из комнаты, вот только одновременно казался спокойным, прислонившись к стене и скрестив на груди полные руки. Ростом и фигурой он походил на Аида, но одет был совсем не так, как обычно одевались остальные боги. На нем были бежевая заношенная туника и штаны, что доходили ему до лодыжек. Несмотря на простоту одежды, его борода и волосы были аккуратно пострижены и уложены, благодаря чему казались почти шелковыми.

Персефона догадалась, кто это, когда ее взгляд упал на его ноги – из-под одной штанины выглядывал золотой протез. Это был Гефест, бог огня, муж Афродиты, отстранившийся от нее, – по крайней мере, так говорили слухи.

Но если он отстранился, почему тогда был здесь сейчас?

Гефест продолжил говорить, – его голос походил на спичку, чиркнувшую в тишине.

– Мы думаем, что она выгуливала свою собаку, Опал, когда на нее напали, и ей хватило сил лишь переместиться сюда. Оказавшись здесь, она уже была без сознания, и нам не удалось ее разбудить.

– Кто бы это ни сделал, он будет страдать, – сказал Гермес.

Было так странно видеть этого обычно веселого бога таким серьезным.

Персефона перевела взгляд с Гермеса на Аида, потом на Гефеста, отметив их свирепые взгляды. Она повернулась к женщине на кушетке и спросила:

– Кто это?

На этот раз заговорила Афродита, и голос выдал ее эмоции:

– Моя сестра, Гармония.

Гармония, богиня примирения, была наименее воинственной из всех богов и не входила в число олимпийцев. Персефона никогда прежде с ней не встречалась и не подозревала о ее родственных связях с Афродитой.

Она повернулась к Аиду:

– Ты можешь ее исцелить?

Он множество раз исцелял ее саму, но ее раны никогда не были такими страшными, как эти. И все же он был богом мертвых и обладал силой возвращать их к жизни. Не может же быть, чтобы это не было в его власти?

И все же он покачал головой с мрачным выражением лица:

– Нет, для этого нам нужен Аполлон.

– Никогда бы не подумал, что услышу от тебя такие слова, – произнес Аполлон, внезапно возникнув рядом. На нем был архаичный наряд с золотым нагрудником, кожаным линотораксом и сандалиями с длинными ремешками, что оплетали его мускулистые икры. С одного плеча свисал золотой плащ, и несколько темных кудрей прилипли к потному лбу. Персефона решила, что он тренировался – возможно, перед Панэллинскими играми.

Аполлон ухмылялся, демонстрируя ямочки на щеках, пока его взгляд не упал на Гармонию – и выражение его лица тут же сменилось на свирепое. То, насколько серьезным он стал всего за несколько секунд, как и его брат, Гермес, было почти пугающе.

– Что произошло? – требовательно спросил он, подойдя к кушетке и опустившись на колени. Персефона заметила, что от бога пахло как-то по-другому. Его привычный аромат лавра – сладкий и землистый – перекрывало что-то пряное, похожее на гвоздику. Возможно, она бы этого и не заметила, если бы он не протиснулся между ней и Афродитой.

– Мы не знаем, – покачал головой Гермес.

– Поэтому мы тебя и призвали, – ответил Аид с оттенком презрения в голосе.

– Я... не понимаю, – произнесла Персефона. – Откуда Аполлону знать, что случилось с Гармонией?

Бог снова улыбнулся, моментально забыв об ужасе благодаря возможности похвастаться:

– Исцеляя, я могу видеть воспоминания. Для этого мне нужно нащупать ее раны и выяснить, как она их получила... и от кого.

Персефона встала и сделала шаг назад, наблюдая за работой Аполлона, ее удивило, насколько ласково он обращался с богиней.

– Милая Гармония, – тихо произнес он, положив ладонь ей на лоб и пригладив ее спутанные волосы. – Кто же это с тобой сделал?

Пока он говорил, его тело засияло, и вскоре это сияние перенеслось на Гармонию. Поморгав, Аполлон закрыл глаза, и Персефона увидела, как искажается его лицо – брови сошлись на переносице, тело забило в конвульсиях. Она поняла, что он переживает ее боль. Дыхание Аполлона стало прерывистым. А потом из носа у него потекла кровь, и Персефону охватило беспокойство:

– Аполлон, хватит!

Она оттолкнула его. Он упал навзничь и прижал руку к носу, кровь из которого уже окрасила его губы. Отведя пальцы, он, казалось, и сам смутился от того, какой эффект произвело исцеление.

– Ты в порядке? – спросила она.

Аполлон взглянул на нее усталыми фиолетовыми глазами. Но все же улыбнулся.

– Ух ты, Сеф, – произнес он. – А тебе и правда не все равно.

Богиня весны нахмурилась.

– Почему она не просыпается? – не поняла Персефона, возвращая их внимание к Гармонии, которая даже не пошевелилась.

– Я не знаю, – признал он. – Я исцелил ее настолько, насколько смог. Остальное... зависит от нее.

У Персефоны кровь отлила от лица. Она вспомнила, как Лекса какое-то время пребывала в подвешенном состоянии, решая, вернуться ей обратно или остаться в подземном царстве.

– Аид?

– Я не вижу конца ее жизненной линии, – ответил он, и у нее сложилось впечатление, что он отвечал на незаданный ею вопрос только ради нее, а не ради Афродиты. – Сейчас важнее то, что ты увидел, пока исцелял ее, Аполлон.

Тот поморщился, словно от головной боли.

– Ничего, – ответил он. – По крайней мере, ничего, что бы нам помогло.

– Так ты не увидел ее воспоминаний? – уточнил Гермес.

– Не много. Они были темными и туманными – думаю, это ответ на травму. Она, вероятно, пытается их подавить, а это значит, что ничего не прояснится и тогда, когда она проснется. На нападавших были маски – белые с зияющими дырками на месте ртов.

– Но как им вообще удалось ей навредить? – не могла понять Афродита. – Гармония ведь богиня примирения. Она должна была повлиять на этих... *бродяг* и усмирить их.

Это действительно было так. Даже если агрессору удалось нанести неожиданный удар, силы Гармонии должны были предотвратить дальнейшую атаку.

– Вероятно, они нашли способ подавить ее магию, – предположил Гермес.

Все боги обменялись взглядами, и даже Гефест казался обеспокоенным – он опустил руки и на дюйм выдвинулся из тени.

– Но как? – поразила Персефона.

– Все возможно, – сказал Аполлон. – Реликвии постоянно создают проблемы.

Персефона узнала о реликвиях, когда училась в колледже. Это мог быть любой предмет, наделенный силой богов: меч, щит, копье, ткань, украшение – вообще что угодно, чем владел бог или что подарил одному из своих фаворитов. Эти предметы обычно находили на полях боя или могилах. Некоторые оказывались в музеях, другие – в руках людей, что намеревались использовать их для своих чудовищных целей.

– Аид? – она назвала его имя, потому что была уверена – его мозг работает, перебирая все вероятности, пока они разговаривали.

Спустя мгновение он ответил:

– Это могла быть реликвия или другой бог, жаждущий власти. – Она заметила, как он бросил взгляд на Гефеста. Кузнец создал за века много всего: щиты и колесницы, мечи и троны, аниматроников и людей. – Есть идеи, Гефест?

Тот покачал головой с мрачным выражением лица. Взгляд его серых глаз был устремлен на жену и ее сестру.

– Мне нужно больше сведений.

У Персефоны сложилось впечатление, что это не совсем правда. И все же она понимала необходимость знать больше, чем мог сообщить Аполлон.

– Дайте ей отдохнуть, и когда она проснется, напоите ее амброзией с медом, – сказал Аполлон, поднимаясь. Персефона встала рядом с ним, поддерживая, когда он пошатнулся, поднеся руку к голове.

– Ты уверен, что все в порядке?

– Ага, – выдохнул он и рассмеялся. – Будь начеку, Сеф. Скоро я тебя призову.

После этого он исчез. Персефона поймала на себе темный взгляд Аида, но он почти сразу перевел глаза на Афродиту:

– Зачем ты призвала нас?

Персефона поморщилась от тона Аида – он был лишен эмоций, и она догадывалась почему. Он был обеспокоен так же, как и она, вероятно, он представил на этой кушетке ее саму, а не Гармонию, всю в синяках и крови.

Афродита выпрямилась и взглянула на Аида.

– Я призвала Персефону, а не тебя, – коротко ответила она и бросила на Гермеса гневный взгляд.

– Что? – ошетинился тот. – Ты же знаешь, что Аид не позволил бы мне привести ее сюда одну!

– Меня? – спросила Персефона, распахнув глаза от удивления. – Но для чего?

– Я хочу, чтобы ты занялась расследованием нападений на Адониса и Гармонию.

– Нет, – абсолютно спокойно ответил Аид.

Богиня смерила его свирепым взглядом.

– Ты просишь мою невесту перейти дорогу смертным, что напали на твою сестру. Как я могу на такое согласиться?

– Афродита попросила меня, а не тебя, – напомнила Персефона. Хотя слова Аида не были лишены смысла. Если на Адониса и Гармонию напали из-за их связи с богами, преступники, не колеблясь, попытаются навредить и ей просто потому, что ей предстояло выйти замуж за бога мертвых. – И все же почему я? Почему ты не попросишь о помощи Гелиоса?

– Гелиос придурок, – выругалась Афродита. – Он считает, что больше ничего не должен нам, потому что воевал за нас во время титаномахии. Я скорее совокуплюсь с его коровами, чем попрошу его о помощи. Нет, он не даст мне того, что мне нужно.

– А что тебе нужно? – спросила Персефона.

– Имена, Персефона, – ответила Афродита. – Мне нужны имена людей, что подняли руку на мою сестру.

Персефона заметила, что та не упомянула Адониса. И все же ее пронзил холодный ужас, когда она поняла, чего искала богиня – отмщения.

– Я не могу обещать тебе назвать имена, Афродита. Ты знаешь, что я не могу.

– Можешь. Но не станешь из-за него.

Она прищурила глаза, глядя на Аида.

– Ты не являешься богиней божественного возмездия, Афродита, – напомнил Аид.

– Тогда пообещай мне, что отправишь Немезиду исполнить мою месть.

– Я не дам такого обещания, – ровным голосом ответил Аид.

Их разговор зашел в тупик, – и тогда вмешался Гефест.

– Кто бы ни атаковал того смертного или Гармонию, у них был план, – сказал он. – Месть нападавшим не приведет ни к чему хорошему. Ты лишь непреднамеренно подтвердишь их правоту.

Афродита испепелила его взглядом, и в ее глазах сверкнула скорее обида, чем гнев.

– Если дело в этом, я вижу смысл в том, чтобы расследованием нападения на Гармонию занялась именно Персефона. Она подходит для этого лучше других – как смертная и журналистка. С учетом того, как она поносила богов, они могут даже решить, что ей можно доверять,

или, по крайней мере, объяснят ей свои мотивы. В любом случае так мы сможем лучше понять нашего врага, составить план и перейти к действиям.

На этот раз пришел черед Аида бросить на него свирепый взгляд, но слова Гефеста обнадежили Персефону, и она повернулась к богу мертвых.

– Я не буду ничего делать, не поставив тебя в известность, – завершила она Аида. – И со мной рядом будет Зофи.

Аид смерил ее долгим взглядом. Он был напряжен, все в этой идее противоречило его взглядам, но потом бог все же ответил:

– Мы обсудим условия.

Персефона просияла – по крайней мере, он не сказал «нет».

Аид продолжил:

– Но сейчас тебе нужно отдохнуть.

Персефона почувствовала, как поднимается его магия, чтобы перенести их, и успела добавить, прежде чем они исчезли:

– Призови нас, когда Гармония очнется.

Появившись в подземном царстве, они оказались друг напротив друга. Молчание между ними затянулось, долгое время никто не произносил ни слова. Персефона знала – дело не в том, что им нечего сказать. Просто они оба опустошены. От вида Гармонии – одной из них, – избитой до полусмерти, на душе лежал тяжкий груз. Персефона не знала, что ей сделать – закричать, разрыдаться или рухнуть в изнеможении.

– Ты будешь сообщать мне о каждом предпринимаемом шаге, о каждой мелочи, что узнаешь об этом деле. Ты будешь переноситься на работу. Если по какой-то причине тебе нужно будет куда-то уйти, я должен знать. И ты всегда, *повсюду* будешь брать с собой Зофи, – произнося эти слова, он сократил расстояние между ними. – И, Персефона, если я скажу «нет»...

Он не закончил предложение, потому что в этом не было нужды. Она знала, что он имеет в виду.

Если он скажет «нет» – значит «нет». И Персефона знала – если она не подчинится, пути назад не будет. Так что она кивнула:

– Ладно.

Он выдохнул и положил ладонь ей на шею под затылком, прижавшись к ее лбу своим.

– Если с тобой что-нибудь случится...

– Аид, – прошептала она, обхватив его запястья. Ей хотелось посмотреть ему в глаза, но он не отпускал ее шею. И все же она продолжила: – Я здесь. Я в безопасности. Ты не позволишь, чтобы со мной что-то случилось.

– Но я уже позволил, – ответил он.

Даже без объяснений она поняла, что он говорит о Пирифое.

– Аид...

– Я не хочу это обсуждать. – Он отпустил ее, сделав шаг назад. Очевидно, он не хотел даже касаться ее. – Тебе нужно отдохнуть.

Пару мгновений она просто смотрела на него в странном молчании, повисшем между ними. Ей это не нравилось. Персефоне хотелось окликнуть его, но она не желала давить на бога. Он уже сказал, что не хочет говорить, и был прав – она устала.

Богиня ушла в ванную, где приняла душ. Ей необходимо было одиночество, тепло, бездумный шум воды, стучащей по кафелю. Она сосредотачивалась на этом, пока могла, отгоняя от себя мысли об Адонисе, Гармонии и Афродите.

Неужели прошло всего несколько часов с тех пор, как они вместе были на кухне? Занимались любовью на каждой поверхности. Она все еще ощущала пустоту, созданную внутри ее Аидом. За этот день он дважды брал ее и дважды останавливался, пусть даже и не по соб-

ственной воле. Ее тело ныло, нуждаясь в нем, хотя ей казалось эгоистичным просить о сексе с учетом событий сегодняшней ночи.

Кроме того, он ведь уже отверг ее – и ее слова, и ее тело.

Словно не хотел сегодня никакого ее присутствия.

И хотя Персефона понимала, что это не так, эта мысль причиняла ей боль, так что она сидела на полу в душе, прижав колени к груди, пока вода не стала холодной.

Поднявшись, она надела широкую рубашку и вернулась в спальню, где обнаружила Аида, сидящего перед камином – по-прежнему одетого.

Она нахмурилась:

– Ты не собираешься ложиться спать?

Бог обернулся и поставил свой бокал, а потом подошел к ней. Обхватив ее лицо ладонями, он сказал:

– Я скоро к тебе присоединюсь.

Несколько мгновений он смотрел на нее, а потом наклонился вперед. Она приоткрыла рот в ожидании поцелуя, вот только он прижался губами к ее лбу.

Ее охватила буря эмоций – в ней боролись разочарование и смущение. Что происходило в голове Аида? Что бы там ни было, у Персефоны появилось ощущение, будто он ее наказывает. Она уставилась на него, проглотив то, что хотела сказать, – обвинения, что хотела ему бросить, – и прошептала «доброй ночи», прежде чем забраться под холодные одеяла, слишком уставшая, чтобы долго размышлять об отстраненном поцелуе Аида, и погрузилась в глубокий сон.

* * *

Проснувшись позднее, она увидела Аида, раздетого и сидевшего на кровати спиной к ней, спустив ноги на пол.

«Ну, – подумала она, – по крайней мере, он добрался до постели».

Она протянула к нему руку. Ее ладонь легла на твердые мускулы его спины.

– Ты в порядке? – прошептала она.

Он повернул голову и взглянул на нее, после чего развернулся всем своим обнаженным телом и потянулся к ней, приблизив к ее лицу свое, но вместо того, чтобы поцеловать ее, нежно провел по ее щеке большим пальцем.

– Я в порядке, – ответил он и выпрямился. – Спи, я буду здесь, когда ты проснешься.

Но эти слова не принесли ей покоя, и вместо того, чтобы послушаться, она приподнялась и села.

– Что, если я не хочу спать?

Богиня оседлала его, обвив руками шею, в то время как его ладони легли ей на талию.

– Что не так? – спросила она. – Ты не поцеловал меня и не лег со мной.

Она почувствовала, как напряглись его руки.

– Я не могу заснуть, – ответил он. – Потому что не могу заставить свой разум замолчать.

– Я могу тебе помочь, – прошептала она.

На его губах мелькнула грустная улыбка, он ничего не ответил. Поэтому Персефона продолжала:

– И... почему бы тебе не поцеловать меня?

– Потому что внутри меня кипит гнев, и предаться любви с тобой... Я не уверен в том, что из себя выпущу.

– Ты на меня злишься? – спросила она, вплетая пальцы ему в волосы.

– Нет, но, боюсь, я согласился на то, что причинит тебе лишь боль, и уже не могу себя простить.

– Аид... – Его страхи ранили ей сердце. Персефоне хотелось сказать ему, что это было не только его решение, но и ее, но она знала, что это не принесет ему успокоения. Этот бог жил много веков, знал мир намного лучше ее, у него были причины верить в то, во что он верил, и она не могла с этим спорить.

Богиня наклонилась ближе. Ее дыхание коснулось его губ. Напряжение между их телами стало наэлектризованным.

– Предайся со мной любви, – прошептала она. – Я смогу справиться с тобой.

Аид прижал ее к себе, погрузил язык ей в рот и поцеловал так, что она потеряла способность дышать. На глазах у нее выступили слезы, в груди заныло, и когда она уже было решила, что ей не справиться, он оторвался от нее.

Пока Персефона пыталась отдышаться, его руки скользнули ей под ночную рубашку и стянули ткань через голову. Его ладони принялись блуждать по ее телу – по спине, груди, ягодицам. Он прижался поцелуем к ее губам, потом к шее и спустился к соскам. Сладкие ощущения и удовольствие от его прикусываний заставили ее вонзить ногти ему в спину, а затем он вошел в нее – сначала одним пальцем, потом вторым, двигая ими так быстро и мощно, что ей самой казались незнакомыми звуки, что срывались с ее губ.

– Пожалуйста, – взмолилась она. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

– Пожалуйста что? – спросил он.

Ответом ему стал вырвавшийся у нее из груди стон облегчения. Не успела она прийти в себя, как он уложил ее на кровать, и ее онемевшие ноги сами раздвинулись с готовностью принять его. Аид сел перед ней на пятки, поглаживая свой член.

– Ты сможешь справиться со мной? – переспросил он.

– Да, – выдохнула она. В следующий же миг он схватил ее за ягодицы, приподняв, и одним толчком вошел в нее, а потом задвигался в таком темпе, который явно выдавал его отчаянное желание кончить. И снова его руки, казалось, были повсюду – сжимали ее бедра, ее грудь. Он то и дело наклонялся, чтобы ощутить вкус ее языка или слизнуть пот с ее кожи, и когда они достигли экстаза, Персефона была уверена, что их крики слышали абсолютно все в подземном царстве.

Аид рухнул на нее всей своей тяжестью, покрытый потом.

Персефона обхватила его ногами, а пальцами убрала волосы с его лица. Отдышавшись, она заговорила, едва не хрипя, сорвав голос от криков, которые Аид заставил вырваться из ее горла.

– Ты мой. Конечно, я смогу тебя выдержать.

Она хотела сказать это раньше, когда он задал вопрос, но ей не хватило воздуха в легких. Аид отстранился, чтобы посмотреть на нее, пронзив ее взглядом до самой души.

Ей пришло в голову, что это был самый откровенный их момент друг с другом.

– Я никогда не думал, что буду благодарить мойр за то, что они мне дали, но ты – ты всего этого стоила.

– Всего этого?

– Страданий.

Глава VIII

Уступка

Персефона проснулась в панике.

Но ее спровоцировал не сон, а чувство, что она проспала. Богиня вскочила с кровати, и ее взгляд упал на Аида, что стоял перед камином. После того напряжения, с которым он занимался с ней любовью прошлой ночью, она ожидала, что он заснет рядом. Обнаружив его бодрствующим и полностью одетым, она ощутила в груди щемящую пустоту.

И все же он был прекрасен, и в выражении его лица было что-то другое – уязвимость, открывшаяся после слов, что он произнес прошлой ночью.

Он боялся.

И имел на то полное право, потому что кто-то там, наверху, обезоружил бога.

Тем не менее Персефона знала, что Аид боится не за себя, а за нее. И все, о чем она могла думать, это то, что, вероятно, если бы она была сильнее – если бы она могла призывать свои силы подобно Аиду, ему бы не пришлось за нее волноваться.

– Ты вообще спал? – поинтересовалась она.

– Нет.

Богиня нахмурилась. Она не слышала, как он ворочался. Он встал с постели вскоре после того, как она уснула?

– Ночные кошмары? – спросил он.

– Нет. Я... подумала, что проспала.

– Хмм.

Он осушил бокал и отставил его в сторону, а потом подошел к ней. Она наклонила голову, не сводя с него глаз, когда он провел пальцами по ее щеке.

– Почему ты не спал?

– Потому что мне не хотелось, – пожал плечами он.

Персефона изогнула бровь:

– Я думала, ты будешь опустошен.

Он хохотнул и с нежностью ответил:

– Я не говорил, что не устал.

Его большой палец задержался у ее рта, и Персефона обхватила его губами, посасывая. Аид шумно вдохнул, раздув ноздри, и другая его рука вцепилась ей в волосы у основания шеи.

Это был знак – намек, – что он не полностью выпустил ту тьму, что пытался сдержать прошлой ночью, или, возможно, заново наполнил свой колодец, пока она спала. В любом случае она увидела ту же искру жестокости, ту же необходимость выплеснуть безоглядную страсть, что и прошлой ночью.

Его взгляд задержался на ее губах, и напряжение между ними сделало ее влажной.

– Почему ты сдерживаешь себя? – прошептала она.

– Ох, дорогая, если бы ты только знала.

– Мне бы хотелось. – Она позволила простыне соскользнуть вниз, обнажив ее грудь. Аид на мгновение замер, но не купился на это – вместо этого он тяжело сглотнул и произнес:

– Я запомню эту картину. А сейчас я хочу, чтобы ты оделась. У меня для тебя сюрприз.

– Что может удивить меня больше, чем то, что происходит у тебя в голове?

Он ответил ей хриплым смехом и поцеловал в нос.

– Одевайся. Я тебя подожду.

Персефона проследила за ним взглядом, когда он направился к дверям, окликнув его у самого выхода:

– Тебе необязательно ждать снаружи.

– Нет, обязательно.

Она не стала задавать вопросов – просто позволила ему ускользнуть, а сама встала с постели и пошла одеваться. В обычный июльский день она бы надела на работу летнее платье, что-нибудь яркое, с рисунком, но буря, устроенная ее матерью в верхнем мире, требовала теплой одежды. Она выбрала черную блузку с длинным рукавом, серую юбку и колготки. Дополнила их парой туфель на каблуках и самым теплым шерстяным пальто. Когда она вышла в коридор, ждавший ее Аид нахмурился.

– Что? – Она снова оглядела свой наряд.

– Я пытаюсь подсчитать, сколько времени у меня уйдет на то, чтобы раздеть тебя.

– А разве ты не ради этого вышел из комнаты? – поинтересовалась она.

Уголок его рта приподнялся:

– Я всего лишь планирую заранее.

Ее охватило тепло – он давал обещание реализовать свои мечты? Аид протянул ей руку и притянул к себе, после чего их окружила его магия.

Они оказались в комнате, похожей на гостиную. Там стоял изумрудного цвета диван, над которым висели два произведения современного искусства, а также кофейный столик из золота и стекла. Пол был из белого мрамора, а через стеклянную стену открывался вид на знакомую улицу – богиня узнала в ней улицу Константина, ту самую, по которой гуляла с Лексой, когда впервые попала в Александрийскую башню.

При воспоминании о подруге ее захлестнула буря эмоций, от которой защипало в глазах. Персефона прокашлялась и спросила:

– Почему мы в Александрийской башне?

Эта башня была еще одним зданием, чьим владельцем являлся Аид. В нем размещались офисы фонда «Кипарис» – филантропического бизнеса Аида. Персефона узнала от Лексы, что у Аида было множество благотворительных организаций – тех, что поддерживали животных, женщин, а также тех, кто лишился всего. Она помнила, как смутилась из-за того, что не знала о его многочисленных проектах. Когда она спросила его о них, Аид объяснил: он так привык быть один, что ему даже в голову не пришло рассказать ей о своем влиянии на верхний мир.

Позднее Персефона также выяснила, что его мир охватывал не только подземный мир и его филантропию, но и подполье Новой Греции. Она осознала, что даже не понимала всей важности того, что контролировал Аид, и от этой мысли ее охватывала дрожь.

– Я хочу, чтобы у тебя был здесь свой офис, – сказал Аид.

Персефона повернулась к нему, широко распахнув глаза:

– Это из-за того, что случилось вчера?

– Это лишь одна из причин, – ответил Аид и продолжил: – А еще так будет удобнее. Я хочу, чтобы ты внесла свою лепту в развитие проекта «Алкион», и думаю, что твоя работа в «Защитнике» принесет новые идеи.

Она приподняла бровь:

– Ты просишь меня работать с Катериной?

Катерина являлась директором фонда «Кипарис» и вместе с Сивиллой работала над проектом «Алкион» – передовым реабилитационным центром, оказывавшим бесплатную помощь смертным. Не так давно они объявили о создании терапевтического сада в честь Лексы, которая перед смертью разрабатывала его план.

– Да, – кивнул он. – Ты станешь царицей моих владений и моей империи. Будет отлично, если этот фонд начнет поддерживать и твои увлечения.

Персефона, ничего не ответив, повернулась вокруг себя, оценивая пространство. Здесь было четыре двери – две по обе стороны от зоны ожидания. Одна вела в конференц-зал, три другие – в офисы поменьше. Они были пусты, за исключением простых столов, но, осмотрев их, она уже могла представить себе, как здесь работает.

– Ты против? – уточил Аид.

– Нет, – ответила она. Ее мысли развивались по спирали.

Она вспомнила, как бог сказал ей однажды: «Это лишь вопрос времени, когда кто-то, кто жаждет отомстить мне, попытается причинить тебе вред». Тогда Персефона с трудом могла поверить в его слова, по большей части потому, что не хотела, – но позднее ей не раз пришлось взглянуть правде в лицо: с Кэлом, Пирифоем, той злобной женщиной, что выплеснула на нее свой кофе.

Теперь же появилась еще одна потенциальная угроза – неизвестные преступники, напавшие на Адониса и Гармонию.

С ее стороны было безумием не принять предложение Аида.

– Спасибо. Жду не дождусь, когда смогу рассказать Елене и Левке.

Приподняв уголок рта, Аид протянул руку к ее щеке.

– Хоть это и эгоистично, я буду рад знать, что ты рядом.

– Но ты ведь редко работаешь здесь, – напомнила Персефона.

– С сегодняшнего дня это мой любимый офис.

Она спрятала улыбку и, прищуриив глаза, взглянула на бога, своего будущего мужа.

– Лорд Аид, я должна вам напомнить, что я здесь ради работы.

– Конечно. Но у тебя будут перерывы и ланчи, так что я с нетерпением жду того, чем мы скоротаем это время.

– Разве смысл перерыва не в том, чтобы ничего не делать?

– А я и не говорил, что заставлю тебя работать.

Его руки обхватили ее за талию. Этот жест был ей знаком – за ним обычно следовал поцелуй. Но стоило только ему притянуть ее к себе, как кто-то позади них прокашлялся. Персефона обернулась и увидела Катерину.

– Миледи Персефона! – улыбнулась та с милым реверансом. На ней были желтая шелковая блузка и классические брюки цвета хаки. Густые кудри окружали ее лицо подобно нимбу.

– Катерина, – улыбнулась в ответ Персефона. – Рада вас видеть.

– Я извиняюсь за вторжение. Услышала, что сюда прибыл лорд Аид, и сразу поняла, что мне нужно перехватить его, прежде чем он исчезнет.

Персефона подняла взгляд на Аида, который теперь смотрел на Катерину. Выражение его лица вызвало у нее любопытство. Он казался спокойным, но то, как Аид слегка поджал губы, заставило Персефону задуматься, чем же Катерина так желала поделиться с богом мертвых.

– Я буду через минуту, Катерина.

– Хорошо. – Взгляд смертной переместился на Персефону: – Для нас честь видеть вас здесь, миледи.

После этого она ушла, и Персефона устремила взгляд на Аида:

– И что это было?

– Я расскажу тебе позже, – ответил он.

Она с вызовом приподняла бровь:

– Как рассказал мне о том, где ты был прошлой ночью?

– Я же ответил, что торговался с чудовищами.

– Это никакой не ответ.

Аид нахмурился:

– Я не собираюсь ничего от тебя скрывать. Просто не знаю, стоит ли нагружать тебя, пока ты горюешь.

Персефона открыла рот и тут же закрыла.

– Я на тебя не злюсь. Я пошутила вообще-то.

Аид ответил легким смешком.

– Вообще-то.

Он с нежным взглядом вновь погладил ее по щеке.

– Мы поговорим сегодня вечером, – пообещал он.

Персефона подумала, что сейчас он ее поцелует, но вместо этого он развернулся и вышел из офиса. Богиня постояла секунду, потерянная в тумане желаний, и ей вдруг больше всего на свете захотелось побежать за ним и потребовать взять ее в его стеклянном офисе на глазах у всего мира, как он однажды пообещал. Он бы сделал это, не мешкая – ведь Аид был так же ненасытен, как и она сама, – и если она не будет аккуратнее со своими мыслями и действиями, сегодня ночью не будет никаких разговоров, которые он обещал.

Богиня вздохнула, достала свой телефон и отправила сообщение Левке и Елене о том, что их встреча состоится не в привычном месте, а в Александрийской башне. Персефоне пришлось признать – она испытала облегчение, узнав, что сможет работать без внимания публики, следящей за каждым ее движением.

Она снова прошла по комнате, погружаясь в реальность, где у нее теперь есть новое место для ее бизнеса, размышляя над тем, как она организует пространство и свой новый офис.

Персефона подошла к окну. Офис располагался на третьем этаже, а это значило, что из его окон открывался ошеломительный вид на Новые Афины, накрытые тяжелыми тучами, туманом и снегом. На дорогах почти непрерывно работали снегоочистители и машины, рассыпающие соль, но с неба падало все больше снега и льда. Даже окно перед Персефоновой уже покрылось наледью. Ей вспомнились слова Гекаты: «Твоя мать терроризирует верхний мир снегом и льдом. Солнце – это именно то, что нужно миру смертных».

Она приложила ладонь к стеклу.

В глубине души богиня знала, что способна побороть свою мать, ведь однажды ей это уже удалось. Она заставила Деметру встать на колени в замке Аида, и богиня плодородия, древняя и могущественная, не смогла подняться. И все же Персефона боялась, что Деметра просто обладала меньшим могуществом, находясь во владениях Аида.

«Ты использовала против Аида его же магию», – напомнила она себе. И это было ужасно. Еще долго у нее все сотрясалось внутри, несколько последующих недель она ощущала такое истощение, что спала все время, пока не работала. Персефона знала, это был знак, что она еще недостаточно сильна для управления такой силой. Ей необходимо увеличить свою выносливость, а достичь этого можно лишь упорными тренировками.

Внимание богини привлекла капля воды, скатившаяся по стеклу. Она убрала с него руку и обнаружила, что лед под ней начал таять. Она сжала пальцы, пытаясь понять, было ли дело в ее силе или же она просто согрела стекло своим прикосновением. Ее кожа была не теплее, чем обычно, но магия пришла в состояние готовности – словно чувствительные нервные окончания, реагирующие на ее отчаяние.

Но именно в этом и заключалась проблема.

Персефоне нужно было начать использовать свою магию направленно.

Снова приложив руку к окну, она сосредоточилась на энергии в своей ладони, теплой и наэлектризованной. Вскоре лед снова начал таять. Богиня смотрела, как по стеклу побежали ручейки воды, но все это казалось Персефоне лишь дешевым трюком. Ведь ей требовалось несравнимо больше магии, чтобы побороть вечную зиму Деметры.

Ее рука безвольно опустилась, и ручейки воды тут же застыли.

– Персефона?

Она обернулась и увидела в дверях офиса Сивиллу.

– Сивилла, – улыбнулась Персефона. Они обнялись.

– Так это правда? Ты теперь тоже будешь здесь работать? – спросила Сивилла.

– Аид предложил мне занять этот офис, и, должна признать, я этому очень рада.

Здесь она будет в безопасности, но, что еще важнее, Левка и Елена тоже будут под охраной.

– Как ты? – поинтересовалась Персефона. – Бен тебя достает?

Сивилла ответила ей мрачным взглядом и сердито выдохнула:

– Мне за него так стыдно, Персефона. Я не знала, что он такой...

– Странный?

– Кажется, мне придется сменить номер телефона.

– Я бы предложила его припугнуть – или попросить об этом Аида, – но он как будто совсем не боится богов.

– Думаю, он слишком самовлюблен, чтобы бояться богов.

– Мне жаль, Сивилла.

Та пожала плечами.

– Вот что я получила за попытку забыть бывшего, – пошутила она. И все же Персефона нахмурилась. Подруга говорила про свои скоротечные отношения с Аро. Этот смертный был давним другом Сивиллы и казался для нее отличной парой, но по какой-то причине захотел, чтобы они остались друзьями.

– Кажется, меня больше расстроил тот факт, что я больше никогда не смогу ходить в «Четыре оливы». Это было одно из моих любимых кафе.

– Ну, ты всегда можешь заказать доставку оттуда, – напомнила Персефона.

– Да, но он наверняка самолично явится с моим заказом, а мне бы очень не хотелось, чтобы он знал, где я работаю.

– С учетом того, какой он подозрительный тип, думаю, он уже знает, где ты работаешь.

Сивилла ответила ей унылым взглядом:

– Ну спасибо, подруга.

Богиня улыбнулась:

– Не волнуйся, ему вряд ли удастся проскочить мимо Айви.

Айви работала администратором Александрийской башни. Она была дриадой – древесной нимфой. Организованной и строгой. Мимо ее стойки никто не мог проскользнуть незамеченным.

– Давай потом вместе сходим на ланч? – Сивилла обняла подругу, прежде чем вернуться на свое рабочее место.

Персефона недолго оставалась одна – вскоре приехали Левка и Елена. Елена завизжала от восторга, услышав новости об их новом офисе, и обе девушки, взбудораженные, обежали все пространство, осматривая комнаты, споря о том, кто какой стол займет, и обсуждая декор. Персефона зашла в первый офис слева, сняла пальто и достала свой ноутбук.

Стоило лишь ей сесть, как в дверь постучали. Подняв голову, она увидела в дверном проеме Елену.

– Слушай, а ты успела прочитать мою статью?

– Да, присядь, – ответила Персефона.

– Она тебе не понравилась, – тут же отреагировала Елена, заходя в офис.

– Это не так, Елена. В ней есть несколько ценных мыслей, но... эта статья опасна.

Елена сдвинула брови:

– Как она может быть опасной?

– Ты рассуждаешь о богах, – ответила Персефона и процитировала: – «В мире, где смертные превосходят богов числом, стоит ли нам спрашивать, что должны делать боги?»

– Я рассуждаю о них не больше, чем ты, когда писала свою статью об Аиде, – возразила Елена.

– Елена.

– Ладно, я уберу это предложение, – ответила девушка резким тоном, который явно выдавал ее досаду. Это заставило Персефону замолчать – она никогда прежде не замечала за ней такого поведения. Работая в «Новостях Новых Афин», а потом перейдя в «Защитника», Елена

всегда демонстрировала добродушие и энтузиазм. Но, опять же, Персефона никогда прежде не критиковала ее работу.

Несмотря на реакцию девушки, Персефона испытала облегчение от того, что та согласилась удалить свой комментарий о богах.

– Мне бы также хотелось, чтобы ты взяла интервью у кого-нибудь из лидеров Триады.

Елена поджала губы:

– Ты думаешь, я не пыталась? На мои электронные письма так никто и не ответил. Эти люди не хотят, чтобы о них узнали.

– Электронные письма – не единственный способ отследить источник, Елена. Если ты действительно этого хочешь, придется быть изворотливой.

Голубые глаза Елены засверкали:

– И как ты предлагаешь мне выследить тайных лидеров террористической организации?

Персефона пожала плечом:

– Я бы притворилась одной из них.

– Ты хочешь, чтобы я притворилась членом Триады?

– Ты хочешь опубликовать сенсационный репортаж? Хочешь стать первой, кто разоблачит верхушку самой опасной террористической организации Новой Греции? Тогда без этого никак. В конце концов, все зависит только от тебя – чего ты хочешь?

Елена уставилась на Персефону. После долгого молчания она наконец спросила:

– А что, если они узнают, чем я занимаюсь?

Персефона напряглась, но ответила:

– Я смогу тебя защитить.

– Ты имеешь в виду, Аид сможет.

– Нет. Я имею в виду, что я тебя защищу.

Елена ушла, и у Персефоны опустились плечи. Почему разговор с Еленой превратился в противостояние? Она явно ожидала, что Елена примет ее комментарии с чуть большей готовностью, и ее удивила реакция девушки. Она была обратной тому, чего богиня ожидала от Елены, но, может, Персефона ее совсем не знала.

Внезапно вокруг за клубилась магия, заставив богиню выпрямиться, и в нос ей ударил знакомый запах лавра.

– Проклятье, – успела лишь произнести Персефона, прежде чем исчезнуть.

Глава IX

Дельфийская Палестра

Вряд ли ей когда-нибудь удастся привыкнуть к тому, что ее крадет какая-то другая магия, кроме Аидовой. Персефоне не нравилось это ощущение – то, как она обволакивала ее, струясь по коже, захватывая ее органы чувств. Но, по крайней мере, она знала, кто это делает, благодаря запаху магии.

– Аполлон, – прорычала она.

Богиню сразу же окружил холод, стоило ей только появиться в центре длинного прямоугольного двора, окруженного крытой верандой. Снегопад почти прекратился – в воздухе кружилось лишь несколько снежинок, – но земля у нее под ногами уже превратилась в грязь. Персефона огляделась, пытаясь понять, где оказалась, но замерла на месте при виде того, как обнаженный мускулистый мужчина отшатнулся назад, прямо на нее, словно его толкнули.

Глаза ее широко распахнулись, сердце загрохотало в груди – «отходи», крикнула она про себя, но по какой-то причине ноги отказались ее слушаться. Потом богиню дернули за руку, и она ударилась о твердую грудь в кожаных доспехах. Персефона оттолкнулась руками, но, кто бы ее ни держал, он тут же ее отпустил. Она отпрянула, и ее взгляд медленно охватил огромную мужскую фигуру. От его мощных икр в кожаных сандалиях на завязках до кожаного линоторакса и круглых глаз с белыми зрачками. Они были самой ошарашивающей деталью его облика – и самой нервирующей. У него были массивные челюсти и мужественное лицо, обрамленное черными, как смоль, волосами. Мужчина был воином, гоплитом – предположила она, судя по его экипировке.

Персефона начала было благодарить мужчину за помощь, как вдруг услышала грохот позади. Развернувшись, она увидела, что обнаженный мужчина перекатился на живот, в то время как другой голый мужчина, схватив того за подбородок обеими руками, оттягивал его голову назад.

– Сдаешься? – крикнул он.

Лежащий на земле мужчина ответил ему злобным грудным рычанием.

Мужчина, что спас Персефону, хохотнул.

Она подняла на него взгляд.

– Где я? – спросила она.

Мужчина словно ее не услышал, так что она повторила вопрос:

– Вы знаете, где я?

Он как будто снова не услышал. Тогда она встала прямо перед ним. Тот опустил глаза, встретившись с ней взглядом.

– Вы можете сказать мне, где я?

Он нахмурил брови и огляделся вокруг. Может, его смутил ее вопрос. Спустя мгновение он протянул руку, словно прося ее дать ему свою. Секунду помешкав, она все же подчинилась, и он перевернул кисть ее руки, чтобы вывести на ладони буквы.

Д-Е-Л-Ь-Ф-И-Й-С-К-А-Я – обвел он, а потом продолжил: – П-А-Л-Е-С-Т-Р-А.

Палестра была тренировочным центром, в основном используемым для борьбы.

Дельфийская палестра.

Значит, она была в Дельфах.

– Аполлон, – выдавила она, стиснув зубы, придя в негодование, что бог солнца перенес ее сюда совершенно неожиданно. Несмотря на его предупреждение в доме Афродиты, она думала, что он хотя бы сам явится за ней, прежде чем унести в какое-то незнакомое место неизвестно зачем.

Она взглянула в белые глаза мужчины.

– Вы глухи? – уточнила она.

Он кивнул.

– Но вы читаете по губам.

Он снова кивнул.

– Спасибо, что спасли меня.

Он поднес плоскую ладонь к губам и отвел вперед, произнеся:

– Пожалуйста.

Его речь была слегка искаженной, почти гортанной.

Персефона улыбнулась. В следующий миг позади нее раздался голос, заставивший богиню поморщиться.

– А вот и ты, сахарная булочка!

Персефона обернулась и увидела шагающего к ним бога солнца. Казалось, он светится, особенно в хмари этого дня. На нем была практически та же экипировка, что и на огромном мужчине позади нее, за исключением золотого нагрудника и лавровых ветвей, вплетенных в волосы. Несмотря на энергичный тон его голоса, он казался раздосадованным – челюсти его были сжаты, а глаза отливали неестественным оттенком фиолетового.

– Аполлон, – заскрежетала она зубами, когда он взял ее под руку.

– Что, и это тоже не нравится? – поинтересовался он.

– Мы же уже обсуждали прозвища.

– Знаю, просто я подумал, вдруг ты... проникнешься.

Она бросила на него гневный взгляд, и Аполлон вздохнул:

– Ладно. Пошли, Сеф!

– Аполлон, – предупредила она, застыв на месте. – Отпусти мою руку.

Он развернулся к ней с пылающим взглядом. Что-то определенно было не так.

– Сделка, – рявкнул он, словно это слово могло убедить ее позволить Аполлону помыкать ею.

– Слово, которое ты пытаешься подобрать, – «пожалуйста».

Они обратили друг на друга испепеляющие взоры, а потом она вдруг ощутила, что у нее за спиной кто-то есть. Задрав голову, она увидела того же мужчину, что помог ей несколько минут назад. Он навис над нею, пронизывая Аполлона яростным взглядом и скрестив мощные руки на груди.

– Ты бросаешь мне вызов, смертный? – Аполлон прищурил глаза. Персефона почувствовала, как сгустилась его магия.

– Ты не будешь с ним драться, – произнесла богиня с выразительным взглядом.

Аполлон хохотнул:

– Драться? Не будет тут никакой драки. Ему не удастся втянуть меня в бой.

– Я сражусь за вас, милорд, – в их спор встрял еще один голос, и, повернувшись, они все увидели обнаженного мужчину, что до этого боролся с другим. Они уже прекратили и теперь стояли голые и покрытые грязью, не обращая никакого внимания на холод – или просто окоченевшие. С ними заговорил тот, что ранее оказался сверху. Он был красив, с большими карими глазами, копной коротких кудрявых волос и бородкой.

– В этом нет необходимости, – ответила Персефона.

– Я говорю не с тобой, женщина.

Персефона заметила, как в глазах Аполлона сверкнула ярость.

– Эта женщина – невеста Аида, будущая царица подземного царства. Преклонись перед ней или познаешь мой гнев.

У мужчины округлились глаза, он упал на одно колено. То же самое сделали его противник и глухой мужчина, ее новый друг. Когда Персефона взглянула на бога солнца, тот улыбался:

– Видишь, что твой титул делает с мужчинами, Персефона?

Она вздохнула:

– Мне следовало выйти из сделки, когда у меня был шанс.

Она обошла Аполлона, направившись под козырек крыльца. Богиня не знала, куда идет, но она замерзла и злилась.

– Ты ведь даже не знаешь куда идти, Сеф, – сказал Аполлон, догнав ее.

– Как можно дальше от соревнования «У кого длиннее член», – отрезала она.

– Ты ведешь себя так, как будто это я виноват, – заметил он. – Это ведь ты не пришла, когда я попросил.

– Ты не попросил. Ты *приказал*. Мы с тобой это уже обсуждали.

Аполлон молча шел рядом с ней. Спустя несколько мгновений он начал издавать какие-то шипящие звуки.

– Иззз...

Персефона замедлила шаг, глядя на борющегося с собой Аполлона. Он попытался снова.

– Извин...

Его рот скривился, словно его тошнило от этих слов.

– Извини меня, – наконец выдавил он, содрогнувшись.

– У тебя кровоизлияние в мозг? – спросила Персефона.

– Ты, возможно, удивишься, но извиняться для меня не свойственно, – Аполлон сердито взглянул на нее.

– Я поражена. Ни за что бы не догадалась.

– Знаешь, ты могла бы оценить уже то, как сложно это для меня было. Разве не для этого нужны друзья?

– О, так мы теперь друзья? Потому что раньше мы вроде как друзьями не были.

Аполлон поморщился.

– Я... не хотел тебя обидеть, – сказал он. – Я просто... немного раздражен.

– Это я заметила. А почему?

– Я... отвлекся, когда переносил тебя сюда, – признался он. – И подумал... что потерял тебя.

Персефона нахмурилась:

– А на что ты отвлекся?

Аполлон открыл рот и снова закрыл его.

– Снег опять пошел.

При упоминании снега она повернулась туда, куда он смотрел, – в воздухе теперь кружились крупные хлопья, и у нее внутри стянулся узел.

– Давай, пожалуйста, договоримся, что ты больше не будешь переносить меня без моего разрешения?

– А Аиду нужно разрешение?

Она снова пронзила его сердитым взглядом.

– Как еще мне тебя вызывать?

– Как все нормальные люди.

– Я не человек.

– Аполлон...

Они провели вместе всего несколько минут, а ей уже дважды пришлось его предупредить.

– Ладно, – он вздохнул, скрестив руки на груди и надув губы.

– Так зачем ты перенес меня сюда? – спросила Персефона.

– Я хотел представить тебя своему герою, – ответил он. – Но ты уже с ним познакомилась.

– Это тот здоровяк? – уточнила она, думая, что он имеет в виду глухого мужчину. Но ее удивило, как вдруг ожесточились черты лица Аполлона.

– Нет, это соперник моего героя, Аякс. А *мой* герой – Гектор. Тот, Кто Все Объединяет. – Она ожидала от него большей гордости в голосе, но, когда Аполлон продолжил, поняла причину его досады. – Тот, кто тебя оскорбил.

– Мм. И где ты его нашел?

– На Дилосе. У него много наград, но и спеси хоть отбавляй. Когда-нибудь это его и убьет.

– И все же ты одарил его своим благом?

– Моя мать нашла убежище на Дилосе, именно там она и родила нас с Артемидой, – ответил он. – Это мои люди, и я их защищаю. Я не мог не одарить его благом.

Боги устремили взоры на поле, где топтались несколько полностью обнаженных мужчин. Она заметила Гектора, который прищурил глаза с насмешливым выражением. Проследив за его взглядом, Персефона обнаружила, что тот смотрит на раздевающегося Аякса. Персефона отвела глаза. Ей было известно, что по древней традиции греки участвовали почти во всех соревнованиях обнаженными – за исключением гонок на колесницах. Но неужели и тренироваться им тоже нужно было голыми?

– Аид вряд ли обрадуется, когда узнает, как я провела день, – протянула она.

Богиня ожидала от Аполлона саркастичного ответа, но тот лишь промычал:

– Хмм.

Она взглянула на него – взгляд бога был устремлен на Аякса, глаза его горели. Ей был знаком этот взгляд, даже в чужих глазах, потому что так смотрел на нее Аид. Она ткнула Аполлона локтем.

– Я думала, твой герой – Гектор, – усмехнулась Персефона.

– Так и есть.

– Тогда почему ты пялишься на Аякса?

Аполлон поиграл желваками:

– С моей стороны было бы глупо не приглядывать за соперником моего героя.

– Особенно когда он раздевается? – она приподняла бровь.

Аполлон фыркнул:

– Вот еще.

Персефона прыснула со смеху, но ее веселье продлилось недолго, потому что затем она услышала то, что омрачило ее настроение.

– Взгляни на него – одет как воин, но ничего не слышит, – сказал один из мужчин на поле другому, кивнув в сторону Аякса. – Вот потеха.

Персефона сжала кулаки и взглянула на Аполлона, который никак на это не отреагировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.